

СПЕЦНАЗ КГБ

Зркебек Абдулаев

КОБРА

ПОЗЫВНОЙ

КОБРА II

МУСКОЛ
И ЛУЧ

«КРЫМ»

Эркебек Абдулаев
Позывной – «Кобра» (Записки
разведчика специального
назначения)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160152

Позывной – «Кобра» (Записки разведчика специального назначения):

Альманах «Вымпел»; Москва; 1997

Аннотация

Они изучали иностранное оружие и минно-взрывное дело. Много бегали по ночному лесу, ломая тонкую корку льда и проваливаясь в ямы с водой по пояс. Принимали на слух морзянку и работали на ключе. Лазали по скалам и прыгали с парашютом. Учились метать в цель ножи и топоры, драться одновременно с шестью партнерами. Их натаскивали замечательные педагогические практики, имевшие опыт боевой работы во многих странах. И готовили их не просто к войне, а к войне до победы. Из них сделали бойцов «Вымпела» – одного из самых прославленных спецподразделений в мире. И им никогда не приходилось сидеть без дела.

Содержание

Колонка редактора	6
ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО	9
Глава 1. Странная встреча	9
Глава 2. Предки	11
Глава 3. Папа	12
Глава 4. Детство	14
Глава 5. Первые опыты «межнациональных конфликтов»	16
Глава 6. Несколько слов о спецпереселенцах	18
Глава 7. Отцовская порка	20
Глава 8. Учеба в школе	23
Глава 9. Первая ходка в «зону»	25
Глава 10. Дед Петро	27
Глава 11. Неудачная попытка привить любовь к книгам	29
Глава 12. Чабанская практика	31
Глава 13. Опиум	35
Глава 14. Отрочество	38
Глава 15. Любимая учительница	41
Глава 16. Друзья детства	43
ЧАСТЬ 2. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ	45
Глава 1. Университет	45
Глава 2. Фольклорные посиделки	48

Глава 3. Самбо	51
Глава 4. Парашютизм	55
Глава 5. Мама	57
Глава 6. Парашютные сборы	60
Глава 7. Экзамен по истории КПСС	63
Глава 8. Адыл и Абай	65
Глава 9. Надежда	70
ЧАСТЬ 3. КОЛХОЗ «КАРАКОЛ»	73
Глава 1. Колхозный экономист	73
Глава 2. Комсомольская работа	78
Обмен комсомольских документов	79
Информационный голод	81
Парашютные сборы 1976 года	82
Схватка с парторгом	84
ЧАСТЬ 4. ТАЛАССКИЙ РАЙКОМ КОМСОМОЛА	87
Инструктор райкома	87
ЧАСТЬ 5. СЛУЖБА В ОРГАНАХ КОНТРРАЗВЕДКИ	90
Глава 1. Минская школа	90
Глава 2. Лучше иметь красную рожу и синий диплом, нежели синюю рожу и красный диплом	93
Глава 3. Город Минск	97
Глава 4. Олимпиада-80	98
Чрезвычайные прошествия на Олимпиаде	104

Глава 5. Возвращение домой	107
Глава 6. Первое оперативное задание	108
Глава 7. Кировское райотделение КГБ	110
Глава 8. Сибирская язва	112
Глава 9. Возвращение младенца	116
Глава 10. Дело «Изувер»	118
Глава 11. Дело луководов	126
ЧАСТЬ 6. ШКОЛА ДИВЕРСАНТОВ	131
Глава 1. Учеба в диверсионной школе	131
Глава 2. Бомба в кабинете зампреда КГБ	136
Глава 3. Служба в «Вымпеле»	141
ЧАСТЬ 7. ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА В	146
АФГАНИСТАН. 1983 год	
Глава 1. Отряд «Омега»	146
«Контрабандисты»	149
Перелет через границу	150
Начало работы	152
Праздник Саурской революции	155
Глава 2. Первые потери	158
Глава 3. Сколько душманов было в	161
Афганистане в 1983-м году?	
Глава 4. Первая боевая операция	164
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Эркебек Абдулаев

Позывной – «Кобра»

(Записки разведчика специального назначения)

*Особую благодарность автор приносит Петру
Ивановичу Нищеву, а также
друзьям по оружию и сослуживцам, которые своими
дополнениями оказали неоценимую помощь в
создании этой книги.*

Колонка редактора

Не грусти, «каскадер»!

Дорогой читатель!

В твоих руках автобиографические записки солдата спецназа – разведчика специального назначения группы «Вымпел» КГБ СССР подполковника Эркебека Абдулаева. В спецназе КГБ СССР таких называли «каскадерами».

Его биография схожа с жизнью многих офицеров «Вымпела», среди которых были русские, украинцы и белорусы,

киргизы и узбеки, азербайджанцы и грузины, карелы и корейцы... У них никогда не возникал вопрос о национальной принадлежности друг друга. Все они старались делать одно дело – защищать интересы нашей Родины. Никто из них не изменил своему долгу, хотя у каждого из них были свои переживания, сомнения, разочарования и обиды.

Признаться, мне было интересно узнать новые нюансы и детали некоторых специальных операций, вроде бы хорошо известных по оперативным отчетам и докладам. Некоторые его приключения могут просто шокировать слабонервных. Не со всеми его умозаключениями и выводами я согласен, но он имеет на то право. Правда, некоторые эпизоды из книги он все же по моей просьбе убрал.

Примечательно то, что он рассказывает о себе и других без псевдогероического пафоса или душевного надрыва, а с присутствующим ему одному юмором «каскадера», хорошо знающего цену жизни, склонного к взвешенному авантюризму. Не улыбайся, читатель: на войне как на войне, и даже бывает, «смеются от смерти за десять минут». Ведь автор делал мужскую работу.

Не все быть может всем понравится в этой книге. Но правда жизни многим вынесла свой приговор, и еще сегодня заставляет все вспоминать, анализировать, оправдывать или осуждать. Как бы ни было, но эту книгу прочтут с большим интересом сотрудники спецслужб у нас и, видимо, не обойдут вниманием за рубежом.

Страницы книги вернули меня в 80-е годы, когда в строю офицеров оперативного полка специального назначения ХАД Афганистана стоял в афганской форме, хитро прищуря умные глаза «товарищ Бек».

Прочтя его записки, хочется сказать:

– Не грусти, «каскадер». Еще все впереди!

Читатель, прочти эту книгу до последней строчки, не пожалеешь.

Ю. И. Дроздов

Генерал-майор в отставке

ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО

*Люди рождаются только с чистой природой,
и лишь потом отцы делают их иудеями,
христианами или огнепоклонниками.*
Саади

Глава 1. Странная встреча

С детства помню один странный эпизод. Мне было где-то лет шесть. Жаркое лето. Иду по дороге, загребая босыми ногами густую, теплую пыль. Навстречу попадается благообразный старец верхом на коне. Я уже хорошо усвоил, что старших положено приветствовать первым. Иначе за неучтивость можно схлопотать неприятность. Поэтому что было сил кричу:

– Салам алейкум!

Аксакал степенно кивает:

– Алейкум салам, чей сын?

– Сагына!

– Не знаю такого.

– Абдылды! (называю имя деда).

– Не знаком.

– Шыйкыма! (это уже прадед).

И тут со стариком происходит что-то странное. Он на мгновение замирает, пристально разглядывая меня, затем с трудом слезает с коня, обнимает, целует мои чумазные руки, и утирая слезы, срывающимся голосом бормочет:

– Слава Аллаху, сохранилось-таки семя Шыйкыма!

Глава 2. Предки

Шыйкым, имя которого так взволновало случайного встречного, еще при царском режиме был бием.¹ Видимо, прадед когда-то сделал добро этому аксакалу или его близким родственникам.

...Каждый киргизский мальчуган обязан знать имена своих предков до седьмого колена. Взрослые вбивали нам эти знания иногда довольно своеобразным способом. Любой прохожий мог внезапно схватить за ухо и устроить экзамен. Ответишь без запинки – заработаешь леденец, не ответишь – придешь домой зареванный, с покрасневшим ухом. Еще дома добавят, чтобы не позорил семью. Ныне я знаю свою генеалогию до 28-го колена. Самым известным из предков был пра-прадед Кожомжар, в середине прошлого столетия принимавший участие в восстании против Кокандского хана. История нашего рода была драматичной, поэтому, к сожалению, даже старики не знают где покоится прах Шыйкыма и более старшего поколения моих пращуров. Уходя на афганскую войну, я попросил брата выбить на могильном камне отца их имена до седьмого колена...

Глава 3. Папа

Старики рассказывали, что мой отец Сагын в молодости был далеко не агнцем. В 1926 году, в свои неполные 16 лет ему довелось три месяца в одиночку прозябать на летних пастбищах в горах с многочисленными отарами деда. Тут наступила хмурая осень, журавли на юг потянулись. Тоска! Бросил он этих надоевших до оскотины баранов на радость волкам и сбежал с проходящим казахским караваном. Приехал в Пишпек, подарил коня и винтовку дальнему родственнику в качестве платы за харч и пошел учиться в школу.

Дед проклял его. Эти барашки достались тяжким крестьянским трудом в обмен на зерно, поскольку он был единственным хлебопашцем в наших исконно скотоводческих краях. Впрочем, на следующий год после бегства отца, деда все равно раскулачили и отправили в места не столь отдаленные.

Абдылда простил своего единственного сына лишь через 35 лет. За эти годы отец получил педагогическое образование в Ташкенте, где узбеки в дипломе немного исказили его фамилию и он стал Абдулаевым (а должен был писаться Абдылдаевым), стал первым заслуженным учителем Киргизской ССР, был награжден тремя государственными наградами, в том числе медалью имени Мичурина, обзавелся семьей, вырастил восьмерых детей. Среди его учеников много

известных людей, в том числе и бывший 1-й секретарь ЦК КП Киргизии Турдахун Усубалиев. За свою жизнь папа посадил пять дивных фруктовых садов. К сожалению, не все они уцелели. Один в 1970-х годах остался на дне Кировского водохранилища, другой в 1990-м сгорел в Узгене в пламени киргизско-узбекского конфликта, третий сад в моем родном городе Таласе с прошлого года начали потихоньку вырубать обездоленные земляки. Туго стало с топливом.

Отец звезд с неба не хватал, хоть и был одним из немногих киргизов, получивших высшее образование еще в 1930-х: «Кулацкое» происхождение всегда сказывалось на его биографии. Впрочем, может это было к лучшему, поскольку все высокопоставленные национальные кадры в 1937-м году были репрессированы. Папа до конца не верил, что меня могут взять на работу в органы КГБ.

Глава 4. Детство

Я родился 31 января 1952 года в селе Бейшеке Кировского района Таласской области Киргизской ССР. Семья наша насчитывала 14 ртов, включая двух бабушек и трех племянников при двух работающих родителях. Отец в ту пору был директором средней школы. Мама в этой же школе преподавала в начальных классах. Кормились, в основном, за счет огорода, размером 60 соток. Отец прививал нам крестьянские навыки, закрепляя по весне за каждым ребенком по грядке.

Жили мы в маленьком домике с плоской крышей, купленном у одного грека за 1400 рублей. С долгами мы расплатились лет через десять. Вся семья ютилась в двух комнатах и прихожей.

В нашем селе, кроме киргизов, с конца девятнадцатого века проживали русские и украинцы, потомки первых колонистов. Во время Великой Отечественной войны в наш район переселили много семей немцев, греков, турков, курдов, чеченцев, карачаевцев. В конце 1950-х прибыли уйгуры из Китая.

В 1988 году, уже будучи сотрудником «Вымпела», я гостил в чеченском селе Бачи-Юрт у однокашника по университету Хизри, главного экономиста местного хозяйства. Несколько седобородых чеченцев, сидевших на лавочке у сельсовета, оказались земляками из Таласа! Никогда не за-

буду их слез радости.

До шестилетнего возраста я был практически предоставлен самому себе и вырос на улице, в окружении интернациональной братии таких же сорванцов. Обычно пацанва предпочитала собираться у обрывистого берега речки Кара-Суу, где было много хорошей глины. Мы лепили из нее танки и устраивали целые сражения, как это делают сейчас взрослые дяди в погонах в военных академиях. Была еще одна распространенная азартная игра: из сырой глины лепили чашку и с силой хлопали о землю. Чашки под воздействием сжатого воздуха громко «взрывались». Кроме того лазили в чужие огороды, разоряли птичьи гнезда (яйца и птенцы, испеченные на углях, для нас были деликатесом), ходили в горы, купались в речке. И, разумеется, дрались. Обычно стенка на стенку против соседней улицы или села. Но случались и межнациональные драки.

Глава 5. Первые опыты «межнациональных конфликтов»

В основном бились киргизы с русскими. Русские пацаны предпочитали бои на дальних дистанциях: у них было больше рогаток, имелись и «поджиги». Киргизы брали численностью: вооруженные камнями и палками, стремительно атаковали, оглашая окрестности дикими воплями. Редко кто выдерживал такую «психическую атаку». Немцам, пожалуй, было труднее других. Им доставалось от всех: ведь прошло всего десяток с лишним лет после войны. Курды были самыми запуганными. С чеченцами наоборот, предпочитали не связываться, они шуток не понимали и даже самые малые могли пустить в ход ножи. Хотя ребята старше 14 лет в этих баталиях участия не принимали: им запрещали родители-спецпереселенцы. По законам сороковых годов они могли попасть под расстрел. А с малышкой какой спрос? И вообще драться полезно: растут настоящие джигиты!

Из греков самыми отъявленными хулиганами были два брата-близнеца Мито и Христо. Хорошо помню, как в первом классе по дороге из школы они раскровенявили мне нос во дворе МТФ. Через двадцать лет я приехал туда оперуполномоченным КГБ и, движимый искренними ностальгическими чувствами, хотел было с ними повспоминать молодость, пропустить рюмочку – другую. Прослышав, что их

разыскивают органы, тридцатилетние мужики с перепугу чesанули в соседнюю область.

Глава 6. Несколько слов о спецпереселенцах

В 1980-м году, работая в Кировском райотделении КГБ, я запросил из Краснодара литерные дела на некоторых спецпереселенцев-греков, высланных из Крыма в наш район. Пожелтевшие страницы, с точки зрения современной юриспруденции, можно было бы читать как сборник анекдотов, если бы за ними не стояли трагедии отдельных семей и целых народов: сержант НКВД (это звание в ту пору соответствовало армейскому майору) четким, каллиграфическим почерком выводил протокол допроса арестованных:

Вопрос:

– Подсудимый Топуриди (Гелекелиди, Попандопуло, Христопуло и т. д.), признаете ли себя членом антисоветской, националистической, империалистической, шпионско-террористической организации?

Ответ:

– Да, я признаю себя членом антисоветской, националистической, империалистической, шпионско-террористической организации.

Вопрос:

– Расскажите, чем Вы занимались в антисоветской, националистической, империалистической, шпионско-террористической организации?

Ответ:

– Я занимался тем, что вербовал новых членов.

Вопрос:

– Каким образом вербовали новых членов?

Ответ:

– Я говорил в своем окружении, что неплохо было бы вступить в антисоветскую, националистическую, империалистическую, шпионско-террористическую организацию...

Далее в дело подшито постановление суда «тройки»: таких-то расстрелять, таких-то выслать. Прилагается справка о приведении приговора в исполнение, заверенная тюремным врачом. В конверте – документы казненных...

Глава 7. Отцовская порка

Но вернемся к детским воспоминаниям. На окраине села был красивый луг, окруженный со всех сторон быстрыми, прозрачными речушками. Вся наша одежда состояла из сатиновых трусов. Мозоли на ступнях становились такими плотными, что можно было безбоязненно бегать по колючкам. Питались в течение дня чем бог послал, а времена в конце пятидесятых были суровые и не слишком сытные. По стране бродило много нищих и калек, свирепствовала преступность. Довольно часто, затаив дыхание, мы внимали на лугу леденящим душу воровским откровениям разрисованных татуировками взрослых.

Иногда в колхозный клуб приезжала кинопередвижка. На окнах клуба штор не было и кино начиналось с наступлением темноты. Киноаппарат был один, его ставили в середине зала. Электричество еще не было проведено, и на улице заводили движок. После каждой части включался свет, и пока заряжали новую бобину, взрослые выходили покурить. Мелюзга проникала в зал обычно с началом второй части. Бывало, в движке кончалось горючее и тогда киномеханик объявлял, что можно будет досмотреть фильм завтра. Сеанс заканчивался полночь. Люди расходились гурьбой по темным улицам. Идти со взрослыми было не страшно, но в конце концов я оставался один. Представьте себе шестилетнего

ребенка, бредущего по вымершей улице, которому каждый кустик мерещится страшным чудищем! До 12–13 лет мучили ночные кошмары на эту тему, пока не научился управлять своими сновидениями. На стук открывала дверь мама, и я, продрогший и смертельно уставший, как есть чумазый, нырял под теплый бок кого-нибудь из старших братьев.

Утром отец, пощупав мои рельефно выпирающие ребра, нудно читал нотацию о том, что положено хотя бы раз в день приходить домой поесть. Вроде и взрослый человек, а не понимал элементарных вещей: как можно бросить братву в разгар интересных дел? Папа был очень мягкий и добрый человек. Лишь раз в жизни крепко выпорол за ложь. От ивовых прутьев на спине и боках у меня мгновенно вздулись багровые рубцы, увидев которые, мама впала в ярость и показала когти. Однако досталось и ей за отсутствие должного контроля за воспитанием подрастающего поколения. Старшие братья и дядья прятали меня от отцовского гнева в погребе, строили различные планы побега, собирали сухари и бросали жребий кому из них сопровождать меня в дальних странствиях. Но тут вмешалась бабушка по линии мамы. Она несколькими тумаками выбила из нас романтику и осадила отца. Одноглазая, сухонькая старушка, пережившая геноцид 1916 года, волею судьбы в тринадцать лет оказавшаяся беженкой в Китае, в минуту опасности становилась хладнокровной воительницей. Она между прочим, снимала с нас народными средствами всякие хвори. До сих пор помню, а

иногда и использую некоторые ее приемы врачевания.

Глава 8. Учеба в школе

Наступила осень. Друзья пошли учиться. Чтобы я не месил грязь на улице, мама посадила на заднюю парту в своем классе. В ту пору в одном помещении учились вместе первый и третий, соответственно второй и четвертый классы. Я тихо занимался своими делами на «камчатке». Когда маме становилось невмоготу от тупых второклассников, чтобы пристыдить их, вызывала к доске меня. Благодаря стараниям старших братьев, я умел читать и писать, и складывать до двадцати. В октябре месяце, решив всерьез заняться моим образованием, мама отдала меня в параллельный класс с русским языком обучения. Но, к сожалению, я по-русски свободно владел только «блатным». Наш пацанячий слэнг в ту пору состоял из гремучей смеси интернациональных матерных выражений! Я и сейчас могу ругаться на 13-ти языках.

Разумеется, вскоре мои тетради по русскому языку заpestрели красными чернилами. Не помогло даже списывание у соседа по парте Алеши. Видимо я творчески перерабатывал его произведения, потому что там, где он получал тройку, мне ставили двойку. Когда красный цвет в моих тетрадях начал превалировать над фиолетовым, мама в сердцах бросила:

– Лучше бы совсем не учился!

Восприняв это пожелание как руководство к действию, я перестал ходить в школу. На следующий год, как и положено, семилеткой пошел в первый класс. Учился хорошо.

Через много лет, увидев двойку в дневнике дочери, я прочитал ей нотацию и выразил сожаление, что она интеллектом пошла не в отца, так как ее папа шестилеткой пошел сразу во второй класс! Потрясенные услышанным, мои детишки усомнились в возможности такого. Ночью, уединившись с супругой, с карандашом в руках долго что-то подсчитывали. Утром торжественно пришли уличить меня в обмане. И проиграли спор. Ха-ха!

Глава 9. Первая ходка в «зону»

Впрочем, в моих детских воспоминаниях есть сюжеты поинтереснее. Например, в семилетнем возрасте я угодил за решетку! А дело было так: приехав с дядей во Фрунзе, я заблудился в большом городе и попал в милицию. Поскольку не знал ни адреса ни фамилии человека, у которого мы остановились, милиция сдала меня в детскую колонию, где и пришлось коротать ночь в довольно пестрой компании малолетних воришек и бродяг. На следующее утро дядя разыскал меня. В кабинете начальника, увидев меня целым и невредимым, он зарыдал в голос. В 1981-м году, выступая в роли диверсанта на учениях КГБ Киргизии, я случайно наткнулся на это исправительное заведение. Перед заплаканными мамами у КПП, в присутствии напарника я произнес душещипательную речь о том, что тоже мотал здесь срок:

– А теперь видите, хожу при галстуке как культурный человек. У вас тоже все будет хорошо!

Недоверчивый напарник потом все допытывался:

– Как же с такой биографией тебя приняли в органы госбезопасности?

– Я вышел на свободу с чистой совестью!

Второй раз имел неприятности с милицией семнадцатилетним оболтусом, когда в центре города с балкона мы с соседом Ткачевым Аликом пальнули по воронам из дедовско-

го «карамультука». Совсем рядом, в метрах десяти, находилось открытое окно горисполкома, где шло важное заседание. Разумеется, от неожиданного грохота и дыма вся советская власть попадала со стульев. Нас тут же повязали, ружье конфисковали. Эту историю, в зависимости от настроения и круга слушателей, люблю излагать в разной интерпретации (иногда меня заносит до попытки вооруженного нападения на местную власть).

Глава 10. Дед Петро

А еще по соседству с нами жил дед Петро. Сейчас понимаю, что в селе он был своеобразным реликтом. Мастер на все руки, он работал плотником в школе. Дед никогда не отказывал в помощи односельчанам. С его внуком Шуриком, который был старше меня на год, часто забирались в арсенал деда Петро, состоявшим из малокалиберной винтовки, пары дустволок и трехлинейки.

Питьевую воду селяне набирали под яром из родника, вокруг которого в кустах обитали змеи. Как-то их развелось столько, что стало невозможно подойти к роднику. И тогда соседки пришли к деду Петро. Он молча их выслушал и начал обстоятельно готовиться к карательной экспедиции: одел высокие сапоги-болотоходы, резиновые перчатки и очки-консервы. Притихшим бабам объяснил, что некоторые змеи способны плевать ядом прямо в глаз человеку. Вооружившись садовым секатором, он двинул к роднику. Мы – за ним. Я видел, как выстригая по периметру колючий кустарник, дед вступил прямо в змеиное гнездо: гады кишели под его ногами, жала плотную резину сапог! Однако он за просто брал их руками, щелкал секатором и отбрасывал подальше от воды корчащиеся половинки! В ту пору мы верили, что упавшие в воду половинки змей способны отрастить недостающую часть. Очистив наш водопой, дед Петро заод-

но «окультурил» и нескольких соседних родников.

Глава 11. Неудачная попытка привить любовь к книгам

Старший брат Джакып рос большим интеллектуалом. Каждую неделю от отправлялся в райцентр в библиотеку и возвращался со связкой книг. По вечерам он не дурачился как все остальные, а пристраивался возле единственной керосиновой лампы. Отец ворчал:

– Лучше бы исправил тройку по математике.

Я поддакивал ему:

– Когда вырасту, буду читать только учебники!

Джакып отрывал от страниц воспаленные глаза и задумчиво смотрел куда-то сквозь меня.

Как-то я пролистал одну из его книг: на прекрасных иллюстрациях – вездеходы, роботы и люди в скафандрах, сражающиеся с чудовищами. До сих пор помню этот альманах «Мир приключений». В «Планете бурь», я мало что понял. Джакып пытался объяснить мне, что такое научная фантастика, но потом махнул рукой, а вскоре начал неназойливо подсовывать книги, соответствующие моему уровню. Однако проснувшийся было интерес к печатной продукции у меня быстро заглох. Потому что фантастика – чепуха! Меня больше занимала военная тематика. Перед сном я мог бесконечно долго пересказывать отцу содержание военных фильмов, главным героем которых выступал сам. Я окончательно

решил, что когда вырасту, буду военным летчиком или кинемехаником!

Книги я полюбил позже, где-то в 6–7 классах. И по другой причине.

Глава 12. Чабанская практика

Каждое лето отец отправлял нас в горы помогать старшему брату Орозу пасти колхозных овец. В плане физического и морально-психологического развития горы дали мне много. Мышцы ног становились железными. Объем грудной клетки и содержание гемоглобина крови значительно превышали аналогичные показания городских сверстников. С малолетства приучился не бояться крови, так как приходилось резать овец, снимать шкуры и разделывать туши. Научился владеть огнестрельным оружием и снаряжать патроны.

Однако те, кто считает, что чабаны «на свежем воздухе, употребляя экологически чистые продукты», жили хорошо, глубоко заблуждаются. Чабаны не могли забить по своему усмотрению колхозную скотину и питались часто тухлым и червивым мясом павших от болезней овец. Сахар и мука (а значит и хлеб) – в ограниченном количестве.

Однажды в глухом ущелье в зарослях рябины я нарезал шесты. Как-то неожиданно наступили сумерки. Внезапно спиной почувствовал чей-то взгляд. Взгляд жестокого, безжалостного существа. От смертельного ужаса у меня на загривке шерсть поднялась дыбом. Дальше все произошло мгновенно, помимо воли: я оскалил зубы, издал звериное рычание и крепко сжимая в руке нож, развернулся, слегка присел. В нескольких метрах, прямо передо мной в ска-

ле чернело огромное отверстие. Видимо, там скрывался какой-то хищник. Не спуская глаз с этого логова, попятился. Добрался наконец до своего коня и ускакал прочь. С тех пор я стал лучше понимать суеверия диких горцев и оценил прелесть цивилизованного мира.

В моей детской чабанской практике был и забавный случай, который до сих пор любят посмаковать односельчане: как-то под вечер, озорничая, натянул я на барана свой ватник и застегнул на все пуговицы. Перепуганная скотина кинулась в стадо, а овцы от него врассыпную. Весело! Так и умчался, бедолага, куда-то в темень. Через два дня заехал к нам чабан, располагавшийся в десятке километрах от нас. Степенно попил чайку, поговорил о том, о сем. И уже на прощание, как бы между прочим сказал:

– Вчера ночью проснулся от лая собак, гула и топота в кошаре, и решив, что напали волки, вышел с ружьем во двор. Смотрю, носится среди овец черная тень. Оказался баран в телогрейке! Я догадался, чьих это рук дело.

Однажды попал в сухую грозу. Набежали черные тучи. От атмосферного электричества аж искры с волос сыпятся! Дождя нет, а молнии бьют непрерывно совсем рядом. Артобстрел с бомбардировкой! Бедные овечки от каждого близкого разряда шарахаются в стороны и опять испуганно сбиваются в кучу. Я на четвереньках, старясь быть как можно ниже, убежал в низину. Хотя это мало бы помогло: концентрические круги с точкой посередине, следы прежних грозových

разрядов, я отмечал в самых невероятных местах. УФОлоги почему-то принимают их за следы посадок летающих тарелок.

Решив поправить наше здоровье кумысом, отец также отправлял в горы помогать табунщикам. Это было после того, как один родственник заразил нас туберкулезом и нам пришлось помотаться по больницам и санаториям. Кумыс – дело хорошее, однако растущему организму нужны и витамины, и полноценное питание с соответствующим набором белков, жиров и углеводов.

Однажды, не выдержав кумысной диеты, мы с двоюродным братом Анарбеком, ныне известным в Киргизии художником, сбежали. Протопав по горам около тридцати километров, благополучно прибыли в село. Как мы набросились на хлеб, на простые деревенские лепешки! Потом выяснилось, что разъяренный табунщик, пустившийся в погоню на лошади, не смог нас догнать. Когда я уже работал в этом колхозе экономистом, он любил притворно посокрушаться:

– Эх, попались бы вы мне в руки, отхлестал бы плетью и приволок обратно на аркане!

Могучий был человек, до шестидесяти лет запросто ломал подковы. Он до самой своей смерти круглый год доил кобылиц, а я, сглаживая свою прошлую вину, регулярно приезжал попить кумыса.

Какое счастье в конце августа спуститься с диких суровых гор в теплую, цветущую, сытую долину! Мама обнимает, це-

лует, сует в руки свежее белье и с порога выгоняет в баню. По пути заскакиваю на огород, отщипываю капустный листок, шарю в огуречной грядке, срываю помидор, жадно хрумкаю морковкой, наспех обтертой об штаны. Затем – в парикмахерскую, сбросить патлы. Потом баня и парилка. Грязное белье с неисчислимым количеством насекомых не подлежит восстановлению, поэтому выбрасывается.

Глава 13. Опиум

До 1968 года в Таласской области Киргизии культивировали опийный мак. Наша семья каждый год обрабатывала 11 соток земли. Это был тяжелый ручной труд с ранней весны до глубокой осени. Нужно было в жару пропалывать растения мотыгой, по ночам по колено в воде поливать их, а зимой собирать сухие стебли, дома дробить маковые коробочки, чтобы извлечь оттуда семена. На семена спускали государственный план. Стебли шли на топливо.

Однако самый ответственный момент наступал в середине лета, когда приходила пора сбора опиума-сырца. Работа на плантации начиналась вечером, когда спадала дневная жара. Специальными трехлезвийными ножами маковые коробочки аккуратно надрезались. Если надрез будет слишком глубоким – молочко прольется внутрь коробочки. Слишком мелкий надрез тоже не годится. Поэтому хороший нож – половина успеха. За ночь молочко на коробочках слегка подсыхало до сметанообразной консистенции, проходя естественный процесс полимеризации. В жару оно подсыхает быстрее и уже имеет не то качество. Поэтому и ценится опиум из южных стран, собранный на высоте 1300–2000 метров над уровнем моря.

Вставали в 4 часа утра. До 8–9 часов, пока солнце не высушило росу, маленькими серповидными скребками об-

рабатывали каждую маковую коробочку, аккуратно собирая драгоценное зелье и переправляя в эмалированную кружку, привязанную к поясу. Опиумное молочко по мере загустения приобретает бурый цвет и становится чрезвычайно липким. Чтобы смахнуть его в кружку, приходится часто слюнявить палец. Вокруг стоит густой терпкий запах. И то ли от этого запаха, то ли от постоянного горького привкуса на губах, кружится голова. Когда солнце поднимается высоко, на плантации делать уже нечего: пора вздремнуть в тени.

За день наша семья собирала около 450 граммов опиума, а за сезон – от 8 до 11 килограммов. Палатка приемщика стояла тут же на поле. И когда опиума было мало, мы просто уносили его домой, чтобы на следующий день сдать двойную норму. Никто никого не контролировал. Более того, престарелый очкарик-бухгалтер, работавший приемщиком, хранил свою добычу в сорокалитровой фляге, которую закапывал на ночь в палатке. Сам преспокойно уходил ночевать домой.

Разумеется, каждая семья старалась сдать побольше продукции, иногда прибегая к различным уловкам: одни добавляли в опиум смесь печенья с молоком, другие, не мудрствуя лукаво кидали туда пару ложек солидола. Воровать опиум как-то не приходило в голову. Порой даже происходили курьезные вещи: наш колхозный бригадир рассказывал, что поздней осенью, распахивая поле, нашел на месте приемного пункта закопанное ведро с опиумом, видимо, позабытое приемщиком. Поскольку государственный план по сдаче

продукции был уже выполнен, председатель колхоза распорядился выбросить эту гадость в реку. Опиум в небольших количествах для лечебных целей имелся в каждом доме. У нас в сарае тоже хранилось примерно 200 граммов. При зубных болях достаточно было положить в дупло маленький кусочек. При расстройстве желудка давали выпить его с горячим чаем. Болезнь проходила мгновенно.

Через пару лет в наших краях появились люди поумнее нас. Например, каждое лето приезжали шабашники из Таджикистана и заключали договор на строительство глинобитных дувалов. Свою малооплачиваемую работу они в аккурат завершали одновременно с окончанием сбора опиума. Они платили за килограмм опиума наличными 100 рублей. А колхоз за тот же килограмм начислял 50 рублей, который получали лишь в декабре. Ходили слухи, что в далеком городе Джамбуле цена опиума достигает 500 рублей! И появились у нас свои отчаянные головы, рискнувшие торговать зельем, вследствие чего стала наезжать на плантации милиция с собаками. Однако разве может собака учуять опиум на опиумном поле? Правда, некоторые односельчане все же отправились мотать срок.

Глава 14. Отрочество

Когда я был во втором классе, наша семья переехала в город Талас. До седьмого класса я не отличался в физическом развитии от своих сверстников. В сентябре, придя в 7-й класс, с ужасом увидел, что оказался чуть ли на голову ниже девчонок и большинства ребят! Сосед по дому Алька Ткачев, которого еще недавно мог запросто скрутить, превратился в рослого силача-красавца. А я так и остался коротышкой с тщедушным телом и огромной головой! Даже занятия спортом и ежедневная физзарядка с гантелями мало помогали. Мышечная масса не увеличивалась, наоборот, руки становились все тоньше. А всем известно, что для пацана бицепсы – первое дело! Это была трагедия вселенского масштаба!

А одноклассники уже начали хаживать на танцы, некоторые уже гуляли с девочками. Я естественно, сидел дома. Брат Джакып – высокий, симпатичный студент медучилища, избалованный вниманием прекрасной половины человечества, успокаивал, что организм растет до 20–22 лет. Слабое утешение! С тоски засел за книги. И неожиданно для себя открыл потрясающий мир! Вскоре записался во все библиотеки города и, пожалуй, перечитал все произведения Марка Твена, Герберта Уэллса, Конан Дойля, Джека Лондона, О'Генри, Александра Беляева, Александра Грина, Жака Ива Кусто и т. д. Часами просиживал у книжных полок соседа

Филиппа Петерсона. Он обладал поистине уникальным собранием советской и зарубежной научной фантастики и магнитофонными записями песен Владимира Высоцкого. Филипп приобщил нас с Аликом не только к Высоцкому но и гиревому спорту.

Я начал приобщать к книгам своего младшего братишку Алмаза, пересказывая самые интересные произведения. Вскоре вся окрестная мелюзга стала собираться в нашем дворе послушать интерпретации на вольную тему, преимущественно научно-фантастического содержания, где каждому отводилась соответствующая космическая роль.

Алька поделился своим опытом физического развития. Оказывается, предыдущее лето он провел в деревне у бабушки: жрал яблоки и работал на току, разгружая машины с зерном. Все понятно, дело в витаминах! Поэтому, по окончании 7-го класса, я категорически отказался ехать в горы, и провел большую часть лета в долине, работая на уборке фруктов.

В сентябре с трепетом переступил порог 8-го класса. Чудо свершилось! Все девчонки ниже меня! Вскоре занятия в секциях классической борьбы и бокса укрепили здоровье и кулаки, что прибавило авторитета среди ровесников: несколько раз участвовал в потасовках на танцах. Широкий кругозор (спасибо книгам!) позволял вести непринужденную светскую беседу с любой девчонкой на любую тему. В 10-м классе даже был капитаном команды КВН. В нашем замечательном и дружном классе учились самые красивые в горо-

де девчонки. Однако к ним я был равнодушен. Романтичная любовь, конечно, была, но за девчонкой моего сердца официально волочился другой парень. А по кодексу рыцарской чести отбивать чужих девушек в наше время было не положено.

Школу окончил с тремя тройками: по математике, физике и русскому языку.

Недавно, между прочим, приснился сон: будто вызывает меня к классной доске учительница русского языка Людмила Петровна проспрягать какие-то деепричастия. Я ни бе, ни ме, ни кукареку. Смотрит она на меня печальными глазами: – Абдулаев, когда ты наконец станешь человеком? Кошмар! Проснулся в холодном поту.

Глава 15. Любимая учительница

Раиса Яковлевна Рысакова преподавала географию и астрономию. Отметки она ставила своеобразно: задавала пять вопросов, за каждый правильный ответ награждая единицей. Пять правильных ответов – пятерка. Так что «кол» или «двойку» тоже надо было заработать. Сверх школьной программы мы изучали минераловедение, занимались туризмом. Она возглавляла научно-познавательный кружок «Квант», в котором царил удивительно светлый и жизнерадостный дух познания, организовала в нашей школе краеведческий музей, в котором хранились бесценные экспонаты из раскопок древнего городища Ак-Тюба, в том числе и «ртутные» гранаты древних: булыжники размером с кулак, с глубокими высверленными отверстиями. Именно Раиса Яковлевна объяснила нам их устройство: в это отверстие засыпался белый кристаллический порошок гремучей ртути (примерно десять граммов), сверху вставлялся фитиль. Запалив фитиль, гранату можно было бросать вручную, метать с помощью пращи или выстреливать из катапульты. Причем катапульта, если говорить современным языком, была способна выстреливать и кассетные боеприпасы. Много лет спустя в группе специального назначения «Вымпел» нас, диверсантов, научили превращать в домашних условиях содержимое градусников в мощнейшую взрывчатку. Самородная

ртути в древности добывалась исключительно на Алтае. Технология превращения металлической ртути в гремучую довольно проста. Нужно только иметь еще один компонент, которую древние могли получать из концентрированной мочи (до сих пор в криминальной среде ходят байки о том, как «зеки» изготовили взрывчатку из мочи, и взорвав двери, совершили побег. Как видим, это вполне возможно). Впрочем, кроме взрывчатых веществ и пороха они не менее успешно применяли напалм (Чивилихин в своей книге «Память» дает его оригинальный рецепт: он считает, что основным компонентом восточного напалма являлся человеческий жир), и, возможно, отравляющие вещества. Ни для кого не секрет, что алхимия зародилась на Востоке и пришла в Европу лишь через несколько столетий. Так что объяснима фантастическая непобедимость армий, дошедших до «последнего моря». И байки о бесчисленных азиатских ордах, устилавших путь к победе своими трупами – чепуха! Например, для разгона римского легиона Аттиле достаточно было иметь сотню гранатометчиков и... свирепую контрразведку, чтобы сохранить главную военную тайну. Видимо, потому и рубили на всякий случай головы пленным и случайным свидетелям. И знаменитый венецианский разведчик Марко Поло наверняка был командирован на Дальний Восток отнюдь не только за шелком и опиумом.

Глава 16. Друзья детства

В школьные годы у меня было двое близких друзей: русский Ткачев Олег и немец Вайсгейм Артур. Отец Альки – ветеран войны, с протезом вместо одной ноги, работал диспетчером на автобазе. В последний путь его провожал весь город. Мать-библиотекарь. Алька после восьмого класса закончил медучилище, отслужил армию и уехал в Прибалтику. Мариманил на Балтике. Сейчас живет в Питере. Родители Артура были сектанты. Артур, светлая голова и золотые руки, окончив восьмилетку, пошел работать токарем, поскольку должен был думать о пропитании. Он получал бешеные по тем временам деньги: 150 рублей! Перед тем, как пойти на танцы в парк культуры, обычно заходили в гастроном. Снисходительно обозвав на нас с Алькой салагами, Артур покупал бутылку портвейна по рубль семнадцать. Мы конструировали дископлан, но так и не успели построить, разбросала судьба. Отслужив в Чирчике танкистом-инструктором, Артур вернулся обратно в свое родное предприятие, достиг шестого разряда по токарному делу, стал Ударником коммунистического труда, был награжден медалью «100 лет со дня рождения В.И. Ленина». Затем ему впаили большой срок за убийство, которое совершил другой. От него ушла любимая жена, забрав все вещи и документы. Вернулся Артур из «зоны» через полтора года без средств к существованию, но

не сломленный духом. Построил двухэтажный дом, женился. Сейчас, возможно, проживает в Германии.

Я бредил авиацией, однако по окончании школы не прошел в военкомате медкомиссию из-за искривления носовой перегородки. Через месяц плохие анализы (белок в моче) подвели при поступлении в гражданское летное училище. Все! Жизнь кончилась в семнадцать лет! Кому нужна такая развалюха? В глубокой депрессии, решив коротать остаток своей никчемной жизни прозябанию с книгами в каком-нибудь глухом ауле, в последний день сдал документы на экономический факультет Киргизского государственного университета.

ЧАСТЬ 2. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

*Два рода мужей люди чтут испокон:
Один из них – бек, а другой – кто учен...
...Кто сам ты, скажи мне, из этих двоих:
Из двух выбирай и беги от иных!*

Жусуп Баласагын

Глава 1. Университет

Экзамены для меня оказались не очень сложными, спасибо родной школе No 2 и ее преподавателям. Тут из-за невнимательности и произошел случай, который мог перечеркнуть все. Оставался последний экзамен по русскому языку. Утром я подошел к доске объявлений и не нашел номера своей группы. Оказалось, что выпускники русскоязычных школ писали сочинение накануне, а сегодня – диктант для школ с киргизским языком обучения! Абитуриенты уже все зашли, а я с тоской во взоре мечусь у дверей. В конце концов сердитый дежурный, даже не глянув в мою бумажку, загоняет в аудиторию. Влетаю в зал с сосредоточенными абитуриентами. Ассистент протягивает стопку листов и тут начинают читать текст. Плюхаюсь на свободное место и с ходу начинаю писать. Диктант заканчивается. Экзаменатор просит еще раз обратить внимание на правильность заполнения титульного

листа. У меня его нет. Странно. Листаю страницы и о ужас! Оказывается я перевернул их вверх тормашками. Представьте себе реакцию проверяющего! Но, слава богу, пронесло. Итак, с двумя пятерками и двумя четверками я оказался студентом группы планирования сельского хозяйства экономического факультета.

В конце августа новоиспеченных студентов отправили на сельхозработы собирать помидоры. А через месяц перебра-
сили в Ошскую область на уборку

хлопка, так что к занятиям приступили первого декабря. Перед отправкой на сельхозработы все бегали в деканат, выбирая себе место в общежитии. Судя по стоптанным башмакам и предъявляемым справкам, складывалось впечатление, что каждый второй был круглой сиротой. За время сельхозработ мы лучше узнали друг друга. Оказалось, что наша «дикая дивизия» в большей своей массе состояла из детей председателей колхозов и главных бухгалтеров. И поступили они в университет не без помощи барашков и кругленьких сумм. А в двух наших группах по специальности планирование сельского хозяйства училось 75 парней и 5 девушек. Национальный состав: один узбек, одна узбечка, один казах, один чеченец, один дунганин, одна корейка, остальные киргизы. К девушкам относились как к сестрам: вольностей себе не позволяли и хахалей отшивали (как бы там ни было, ближе к окончанию вуза они высказали нам свои претензии по этому поводу). По сравнению с другими учебными

группами мы, сельхозники, были более сплоченны. Собирали больше всех хлопка, выпивали больше вина и если приходилось драться с местными хулиганами, дружно как один выходили с дрекольем. И не обижались на ехидное прозвище «дикий дивизии».

Глава 2. Фольклорные посиделки

Иногда ватагой ходили в гости к знакомым девчатам с других факультетов. Ночные посиделки начинались с традиционного на Востоке чая, а под утро заканчивались бешбармаком или пловом. Со стороны гостей и хозяев определялись ведущие, которые брали бразды правления в свои руки. Начинались песни, стихи, загадки, частушки. Чтобы никто не мог отлынить от участия в фольклорном состязании, готовилась «песенная чаша»: в довольно емкий сосуд наливалась адская смесь, состоящая из спиртного, сахара, перца, соли. Хозяйка чаши, закончив свою песню, передавала этот жуткий коктейль с поклоном кому-нибудь из представителей противоположного лагеря. Горе тому, кто не обладал поэтическими талантами: если не можешь петь, должен пить! Нужно было обладать хотя бы чувством юмора, чтобы не стать всеобщим посмешищем. Вообще хотелось бы отметить, что традиционные совместные ночные игры юношей и девушек у киргизов существуют с незапамятных времен. Разумеется, эротические моменты в таких играх присутствуют, однако они носят довольно безобидный характер. Киргизы, в отличие от представителей других мусульманских народов, всегда были более раскрепощены в вопросах взаимоотношения полов. В то время как для узбека ругательство, означающее сожителство с его законной супругой, является смер-

тельным оскорблением, по-русски и по-киргизски пожелание переспать с чьей-нибудь мамой даже ругательством не считается. В колхозе «Каракол» была семья чабана, у которого четверо раскосых девчат – голубоглазые блондинки! Иногда соседи от нечего делать скалили по этому поводу зубы. Муж только посмеивался, а жена сразу обрывала разговор: – От геолога родила, вам-то какое дело!

Следует отметить, что оба супруга были голубоглазы и рыжеволосы. Видимо, в недрах генетической памяти они сохранили наследственные черты древних киргизов. Между прочим, по описаниям летописцев и Чингиз Хан был голубоглаз и рыжеволос. По поводу его национальной принадлежности существует несколько версий. Так, после смерти официального (смуглого и черноволосого) деда-монгола, бабушка Чингиза от «святого духа» родила еще нескольких детей, в том числе отца будущего «потрясателя вселенной». Нынешняя неортодоксальная наука хоть и допускает возможность зачатия от «святого духа» девочек, однако категорически отрицает возможность появления на свет мальчиков без мужского участия. Из курса школьной биологии известно: чтобы родилась девочка требуется слияние «Икс+икс» хромосом. Для появления на свет мальчиков нужна другая комбинация «Икс+игрек». У женщин «Игрек» хромосомы напрочь отсутствуют. Под воздействием неблагоприятных внешних условий, например, высокой радиации, в женских внутренних половых органах может произойти разрушение оболочек

яйцеклеток и слияние их ядер с образованием комбинации «Икс+икс». Это объясняет феномен амазонок. У племени амазонок мальчики никогда не рождались и не могли родиться, а в мужчинах, для продолжения рода, они совершенно не нуждались. Поэтому закрадывается подозрение, что Чингиз Хан на самом деле перенял гены пленного рыжего тюрка (сей персонаж оспаривается казахами, узбеками и киргизами), прислуживавшему после смерти деда его бабушке многие годы. Настоящее имя Чингиз Хана – Темирчи, который переводится с тюркского как «железных дел мастер» или «кузнец». А по поводу национальности грозного завоевателя Руси Батыя, внука Чингиз Хана, недавно от одного уважаемого ученого я услышал вовсе ошеломляющую новость! Оказывается, его мама была еврейкой! Именно еврей-торговцы освоили «Великий шелковый путь». Их крупные колонии издревле проживали в Средней Азии, на Алтае и в Китае. До сих пор жители южных провинций Китая говорят на чистейшем иврите, непонятном для ханьцев! Теперь понятно, почему славный город Биробиджан стал столицей ЕАО. Это не было прихотью товарища Сталина, а оправдано историческими реалиями.

Глава 3. Самбо

Вернувшись из сельхозработ, приступили к учебе. Нужно было записаться в какую-нибудь спортивную секцию. Я решил заниматься вольной борьбой. Дело в том, что на хлопке, затеяв борьбу с одним из ребят, я потерпел сокрушительное фиаско. Он ни разу не дал мне подняться на ноги, сбивая ловкими подсечками и подножками. А ведь я был неплохой «классик»! В спортзале тренер Никифоров, мастер спорта международного класса по классической борьбе, в отношении меня был категоричен: «будешь классиком!» Я разочаровался и перестал ходить на занятия.

Как-то вечером, спускаясь с университетской библиотеки, увидел пробегающего по коридору парня в самбистской куртке и кинулся за ним. Робко приоткрыл дверь спортзала. Самбисты со страшным грохотом бросали друг друга на ковер! До конца тренировки я заворуженно просидел на лавочке, потом подошел к тренеру и попросился в секцию. Он разрешил. На первых схватках я запросто заваливал самбистов на спину, припечатывая их лопатками к ковра, а дальше не знал, что делать. Кончалось это тем, что нас либо поднимали в стойку, либо лежащий подо мной соперник умудрялся провести болевой прием. Потом я научился падать и освоил самбистские приемы.

Летом участвовал в городских соревнованиях в весе до

61 килограмма. В первой схватке против меня выступал такой же дохляк. Мы с ним долго возились лежа, сил никаких не было, и он победил по очкам. Шатаясь от слабости, вышел на улицу. Друг Улан, сильно переживавший мое поражение, на последние гроши купил стакан сметаны, плитку шоколада и кофе, заставил поесть. Я почувствовал прилив сил и холодную ярость. Второй соперник был хорошо знаком по совместным тренировкам, я собирался его растерзать. Но неожиданно объявили другую фамилию. Это был низкорослый, на голову ниже меня, плотный и чрезвычайно верткий кореец по фамилии К°. Не успел я опомниться в своем углу, как он стремительно сблизился и провел бросок. Я оказался сверху. Мне присудили очко. В зале раздались аплодисменты. Подняли в стойку. Новый бросок, я опять сверху! Еще очко.

Теперь соперник стал осторожнее. Неожиданно для него я запрыгиваю ему на руку, падаю на спину и перебросив через себя, начинаю болевой прием на руку (этот прием обычно проводят против более рослого соперника). Слышу голос судьи: получаю еще два очка! Но кореец был физически сильнее. Он вывернулся и в свою очередь захватил мою руку. Зал стонет! Я на спине и отчаянно сопротивляюсь, но пальцы слабеют и через несколько секунд он разрывает мои намертво сцепленные руки. Я встаю на мост (спасибо классической борьбе!) и переворачиваюсь через голову. Однако соперник был тертый калач: тоже мгновенно переворачива-

ется на живот и резко изгибается дугой: хруст костей и резкая боль в локте. Мой вскрик совпал со свистком судьи. Поражение. Но не обидное, хотя я выбыл из соревнований.

В соседней комнате общежития проживал кавказец Иосиф. Могучего телосложения, медлительный, и несколько дубоватый. Ему нравилось заходить в нашу комнату и шутя крутить мне руку. Было унижительно, но ничего поделать с ним не мог. Он был намного сильнее. И обижаться нельзя, это же шутка!

Где-то уже на четвертом курсе мне замаячил незачет по физвоспитанию, потому что я не ходил на университетские спортивные занятия, а занимался в городском аэроклубе парашютизмом. Пришлось податься в секцию классической борьбы. Тренер, от которого я ушел на первом курсе, меня в упор не видел. Пригорюнившись, собрался было уходить, но тут попался на глаза Иосифу, разминавшемуся на ковре. Радостно осклабившись, он растопырил клешни и двинул в мою сторону:

– Пойдем, поборемся.

– Давай!

Только попросил его одеть самбистскую куртку. Он сделал это с удовольствием. И началось! Минут десять я валял его как хотел, от души отомстив за прошлые унижения. Иосиф был ошарашен! Однако тренер не обращал на это никакого внимания. В конце занятий к нему подошли несколько наших ребят и о чем-то пошептались. Выслушав их, тре-

нер хлопнул в ладоши:

– Внимание! Абдулаеву нужен зачет по физвоспитанию.
Я поставлю, если он одолеет Иосифа в классической борьбе!
Я положил его на лопатки.

Глава 4. Парашютизм

Первый раз, придя на военную кафедру, я увидел фото-стенд о парашютистах. А тут еще попался навстречу преподаватель кафедры подполковник-десантник. Заныла душа. Узнав от него адрес аэроклуба, я записался на парашютную секцию. Конечно, хотелось на самолетную, но боялся строгой медкомиссии. Дали направление на медкомиссию в военкомат. Сдал анализы, правда, мочу одолжил у друга Турсунбека (он до сих пор этим страшно гордится). Сделал кардиограмму. Брат Джакып, к тому времени студент медицинского института, изучив ее, заметил, что у меня не все в порядке с запирающим клапаном левого желудочка предсердия. По моей просьбе он сделал и отдал мне свою кардиограмму.

Всех врачей прошел нормально. Но терапевта удивил бесшумный ритм моего сердца. Пожилая женщина-врач взглянув на меня поверх очков, все поняла и улыбнулась:

– Хочешь прыгать? Молодец. Мой сын тоже парашютист – она подписала заключение: «годен».

Первый прыжок с Д-1-8 я совершил 5 мая 1970 года.

Приехав на летние каникулы домой, я поделился своей радостью с родными. Реакция мамы для меня была совершенно неожиданной. Узнав, что я занимаюсь в аэроклубе, она расцвела в улыбке.

– Ты весь в меня! В 1936-м году я тоже занималась во

Фрунзенском аэроклубе, но только самолетным спортом.

Глава 5. Мама

Как много мы не знаем о своих родителях! Несколько дней я не отходил от мамы ни на шаг, выпытывая подробности ее жизни.

Мама родилась в 1922-м году в селе Орто Алыш, который располагается километрах в десяти от столицы республики. Отца ее звали Туркмен, он был учителем. В нашей семье много лет хранился его орден Ленина, который впоследствии вернули государству. Бабушку по маминой линии я уже упоминал в начале книги. У мамы красивое имя Шамсинур, что в переводе с фарси означает «луч солнца». Откуда в киргизской семье туркменские и таджикские имена – я до сих пор затрудняюсь ответить. В 1936 году мама поступила во Фрунзенское медучилище. Вместе с подругами по комнате откликнулась на призыв: «Комсомолец – на самолет!» и начала посещать занятия во Фрунзенском аэроклубе. Тут приехала солидная комиссия отбирать киргизских девушек для выступления на спортивном празднике в Москве.

Мама попала в их число. После пары месяцев подготовки, они выступили на стадионе «Динамо». Вечером по плану культурной программы их должны были повести в Большой театр. Мама с подружкой остались в общежитии, потому что немного простыли на выступлениях. Неожиданно в комнату забежали какие-то военные, подняли их с коек и ку-

да-то повезли. Оказалось в Кремль на праздничный банкет! Огромный зал, изысканно накрытые столы, серебро и хрусталь. И сотни, тысячи людей: прославленные военные, известные ученые, знаменитые артисты, – это была сказка из «Золушки»! Закружилась голова... Подруги робко пристроились где-то на краюшке, так и не притронувшись к блюдам. Внезапно раздались бурные аплодисменты, переросшие в овации, в зал вошел сам товарищ Сталин, а с ним Калинин, Ворошилов... Сталин произнес короткий тост, поднял свой бокал. Посидев немного, вожди извинились и ушли. Объявили перерыв. Освободились места за столами поближе к Президиуму. Шустрая подружка-татарка схватила маму за руку и поволокла туда. Сели напротив Георгия Димитрова, его жены-красавицы и седой старушки матери. Официанты внесли горячее. Как его кушать? Заметив ее состояние, добрая старушка начала тихонько подсказывать в какую руку надо взять вилку, в какую нож. С блюдом кое-как справилась, хотя ни вкуса ни запаха не чувствовала. Очень захотелось взять на память о Кремлевском банкете какой-нибудь сувенир. Ведь дома расскажешь – не поверят! Мать Димитрова объяснила, что серебряные ложки-вилки брать не следует, но можно взять бумажные салфетки с водяными знаками, изображающими Кремль, и пожалуй, мельхиоровые спичечницы. Так и поступили.

В 1986 году мама встретилась со своей подружкой-татаркой. Они вспоминали Москву тридцатых, перебирали имена

однокурсниц по медучилищу, не вернувшихся с фронта, пили водку и плакали...

Глава 6. Парашютные сборы

Летом 1972 года я попал на парашютные сборы. К тому времени у меня уже было 39 прыжков на Д-1-5у, из них четыре прыжка со стабилизацией раскрытия купола по 15 секунд. Пора было переходить на ручное раскрытие. Пересел на ПД-47 с квадратным куполом. И вот я со сборной Киргизии в одном самолете. Ребята и девчата уходили на 2200 метров крутить акробатику. Я должен был покинуть борт раньше на высоте 1200 метров. Им всем было чертовски интересно, они сгрудились у открытой двери и почему-то между собой называли меня перворазником. Признаюсь, мне это было неприятно. Мастер спорта Сергей Решетилов, только что прибывший на сборы, должен был прыгать вместе со мной. Он еще раз проверил замки аварийной отцепки своего УТ-2р и прокричал мне в ухо:

– Я пойду первым. Через две секунды иди за мной. Не волнуйся!

Самолет сбросил газ. Серега напружинился, рыбкой выскользнул наружу, в воздухе красиво развернулся, лег на спину и поманил меня за собой. Взявшись правой рукой за косяк двери, я резко оттолкнулся правой ногой и лег на поток. Слегка повернув голову, посмотрел на дверь и, встретившись глазами с инструктором, сделал ему отмашку рукой. Он кивнул в ответ: все в порядке...

... Через две секунды меня закрутило. Малейшее движение руки или ноги приводили к мгновенному изменению положения тела в воздухе. Меня бешено вращало одновременно во все стороны и я никак не мог стабилизировать падение. Через несколько секунд, поняв бессмысленность своих потуг, рванул кольцо. Резкий удар, я повис под куполом, вернее под квадратной «салфеткой». Решетиллов с громким шелестом раскрылся чуть ниже, и выписывая вокруг меня круги, приземлился рядом. Собрав свой купол, покачал головой:

– Ну ты даешь...

Все спортсмены и инструкторы остро переживали за меня и наперебой давали полезные советы. Однако второй прыжок – опять закрутило. Десятый прыжок – то же самое!

Я понял, что совершив до этого около сорока прыжков «на веревочку», я намертво усвоил вредную привычку через две секунды после отделения от самолета, в ожидании динамического удара раскрытия купола, непроизвольно концентрироваться. Условный рефлекс, черт его дери! В результате попадал в штопор. Ходил весь в синяках от подвесной системы. Но мучительнее были душевные травмы. Неужели я такой тупица? И вот однажды, совсем отчаявшись, перед прыжком закрыл глаза, расслабился. Покинув борт самолета, лег на поток, широко раскинув руки и ноги, начал отсчет. Через четыре секунды обратил внимание, что падаю стабильно. Открыл глаза. Я переборол себя! Это было неопишемое блаженство – уметь управлять своим телом во время

свободного падения!

Мне дали более совершенный купол Т-4-4м. Сейчас понимаю, что если бы я перешел на ручное раскрытие не на сороковом, а начал уже где-то на пятнадцатом прыжке, видимо удалось бы избежать ошибок, одна из которых чуть было не стоила мне жизни на очередных сборах в 1976 году.

Что мне дал парашютный спорт кроме чувства «глубокого морального удовлетворения»?

Во-первых, собранности. Признаюсь, я никогда особенно не отличался аккуратностью и собранностью. Парашютизм, если и не устранил совсем, то в какой-то мере сгладил этот недостаток.

Инструкторы с нами особенно не церемонились. И не прощали даже малейших ошибок. Допустим, привязал контрольку чеки прибора КАП-3 не «восьмеркой». Инструктор выдергивает чеку: трещит прибор, щелк! Ранец раскрывается, купол вываливается на землю. Все, собирай по новому. Ребята уходят в воздух а ты сопишь над укладкой.

Во-вторых, когда в 1982-м году в КГБ Киргизии решался вопрос кого отправить на учебу в школу диверсантов, мои 80 прыжков произвели впечатление на начальника республиканской разведки Эрика Чинетова. И он остановил свой выбор на моей кандидатуре. Значит и в «Вымпел» я попал благодаря парашютному спорту.

Глава 7. Экзамен по истории КПСС

На втором курсе я завалил экзамен по истории КПСС и полгода не получал стипендии. Произошло это следующим образом. На экономфаке общественные дисциплины преподавали на двух языках. Я занимался в группе с русским языком обучения. Во время сессии наш преподаватель заболел и экзамены принимал профессор киргизского потока. Поскольку моя фамилия начинается на «А», пошел отвечать первым. Не успел произнести нескольких фраз, как профессор прервал меня:

– Абдулаев, ты кто по национальности?

– Киргиз.

– Почему фамилия не киргизская?

Объясняю, что фамилию отца исказили, когда он в тридцатые годы учился в Ташкенте.

– Хорошо. Ты владеешь родным языком?

– Да.

– Ну и отвечай по-киргизски.

Тут я начал мычать. Извините, одно дело бытовой, разговорный язык, а тут специфические научные выражения. Это две большие разницы. Короче, поставил он мне «неуд».

Нечто подобное произошло со мной в восьмом классе, когда принимали в комсомол. Заседание Бюро райкома, во главе стола первый секретарь, противная тетка с мясистым,

угристым носом. Я не смог по-киргизски рассказать Устав ВЛКСМ. Так что вступил в комсомол лишь в десятом классе.

Итак, остался без стипендии. Стыд-то какой! Родителям не расскажешь, да и финансами они помочь не могли. Например первый костюм мне сумели купить по окончании третьего курса на деньги, вырученные от продажи меда с небольшой отцовской пасеки. До того донашивал пиджаки старшего брата. Джакып – молодец. Он не только получал повышенную стипендию, но и подрабатывал на «скорой помощи». Так что полгода я выживал как мог. Хорошо, что в городе было много близких и дальних родственников, к которым можно было изредка забежать поесть.

Глава 8. Адыл и Абай

В общежитии в каждой комнате стояло по 4–5 кровати. Парни размещались на третьем и пятом этажах, а девушки на втором и четвертом. Наша комната, посоветовавшись, наладила дружбу с девчатами, проживавшими над нами. Это было выгодно, у девчат не переводился хлеб, сахар и сливочное масло. Так что по вечерам, придя к ним в гости, всегда можно было рассчитывать на угощение. В свою очередь, когда у нас заходились деньги, водили их в кино и в кафе. Правда денег у нас хватало на три-четыре дня.

Мой сосед по койке Адыл был большой романтик и в не меньшей мере раздолбай. Ему принадлежал рекорд экономафака по количеству пропусков занятий: за полгода он не посетил ни одного! Он безумно влюбился в девчонку по имени Белек, проживавшую на нами. Однако постоянно портил с ней взаимоотношения безумными выходками, от чего страдал сам и по ночам плакал и рвал зубами подушку. Чтобы помочь другу, мы решили провести оперативную комбинацию. Адыл, немного подумав, согласился. Сообща написали письмо в его адрес от имени несуществующей возлюбленной, якобы тоскующей в разлуке. Превознесли до небес достоинства Адыла. Упомянули о том, как он, рискуя жизнью, спас эту красотку от лап бандитов. Не забыли упомянуть о том, что ей стали известны прелести злой соперницы

Белек. Адыл лично переписал этот опус женским почерком. Запечатали в конверт, поставили почтовый штемпель. Письмо положили на стол среди множества других в коридоре общежития. Вскоре зафиксировали его исчезновение. А еще через полчаса конверт обнаружили на прежнем месте. Изучив его, обнаружили следы перлюстрации. Рыбка клюнула! Вечером как обычно пошли пить чай к соседкам. Все девчонки обхаживали нашего героя как могли. Белек страдала от ревности. Однако Адыл опять разрушил начавшееся было потепление взаимоотношений. И тогда я увел его в мир грез...

... Однажды ночью, когда его стенания порядком надоели, я открыл дверь шкафа, щелкнул переносным пультом управления. Задняя стенка бесшумно ушла в сторону и открылся длинный коридор. Я завел Адыла туда. Вошли в лифт. Нажал кнопку. Сердце подступило к горлу: мы стремительно проваливались куда-то вниз. Вскоре лифт остановился, и мы оказались перед несколькими закрытыми дверями. Я открыл одну из них и мы попали на роскошную виллу на необитаемом острове: шум прибоя, ласковый ветерок, запахи неведомых цветов, пальмы, бананы. В лагуне яхта. Переодев Адыла в белоснежный костюм, оставил его на пляже и ушел по своим делам. Через несколько часов забрал его оттуда. Перед тем, как вернуться обратно в наше убогое жилище, заставил пройти санобработку и переодел в прежнюю одежду. Но он паразит, все же прихватил ракушку...

Проснувшись утром, Адыл действительно обнаружил под своей подушкой морскую раковину и не вытерпев, заглянул за шкаф, залез внутрь, постучал по задней стенке...

Похоже, Адыл погиб окончательно. С тех пор он стал задумчив и рассеян. Каждую ночь уже самостоятельно, без моей помощи уходил в дальние странствия. Он побывал в лучших борделях планеты, однако везде сохранял верность своей несравненной Белек. Ему очень хотелось показать эти миры возлюбленной, чему я противился:

– Нельзя, не положено. Я и так нарушил Инструкцию.

Девчонки отметили странные метаморфозы, происшедшие с ним...

Второе место по количеству пропущенных занятий после Адыла занимал Абай Борубаев. Тот самый, который в восьмидесятые годы якобы убил каратиста и киноактера Талгата Нигматуллина, сыгравшего в фильме «Пираты XX-го века». Абай жил не в общежитии, а на квартире родителей в городе. Однако по утрам приходил в нашу комнату и заваливался спать на свободной кровати. Когда мы возвращались с занятий, вместе начинали думать о пропитании. Самый простой способ был подойти к какому-нибудь студенту-"куркулю" из южной провинции и попросить взаймы рубль. Тот, нервно шупая карманы, обязательно ответит, что в наличии имеет всего двадцать копеек.

– Ладно, давай их сюда.

На эти деньги можно было купить буханку хлеба за 16 ко-

пеек и сто граммов соленой кильки за 3 копейки. Еще оставалась одна копейка сдачи!

Абай неплохо играл на гитаре и меня научил бренчать на шестиструнке. За это я прозвал его «учителем». Это ему очень нравилось. Последующая его жизнь была окутана тайной. Лет десять назад его имя гремело по всему Советскому Союзу. Ему было посвящено много публикаций в центральных газетах. Он первым в стране превратил экстрасенсорику в дойную корову и умопомрачительно разбогател. Более того, он получил абсолютную власть над душами и телами десятков тысяч поклонников. В Москве и Прибалтике на него молились! Все, что он вытворял, не лезло ни в какие ворота «здорового смысла», поскольку помню, что никакими экстрасенсорными навыками он не обладал (по крайней мере в студенческие годы). Просто этот двоечник оказался талантливым организатором. Я сейчас жалею, что в ту пору не восстановил с ним контакт. Умер он в 1995 году в тюрьме. Очень хотелось бы когда-нибудь заглянуть в архивы 5-го Управления КГБ и изучить его литературное дело.

Несколько слов о ясновидящих: в середине 70-х, работая секретарем комсомольской организации колхоза «Каракол», по делам заехал в соседнее хозяйство, на конезавод No 113. На крылечке сельпо несколько ребят с утра распивали спиртное. Меня тоже пригласили. Один из них вдруг пристально взглянув мне в глаза, поднял свой стакан:

– Когда станешь большим человеком, не забывай, пожа-

луйста, простых людей.

Тост был странный и довольно нелепый. Я хмыкнул. Однако никто из присутствующих даже не улыбнулся. Мне объяснили, что этот парень – блаженный. Все, что он предсказывает – сбывается.

Другой случай: бригадир стройбригады нашего колхоза Баястан часто твердил, что я буду работать в Москве. Господи, какая Москва, когда пределом мечтаний моей супруги было переехать из сурового горного села (она там сильно болела) хотя бы в райцентр! Однако через семь лет я действительно оказался в столице.

Глава 9. Надежда

Я познакомился со своей будущей супругой Надеждой при довольно забавных обстоятельствах. Друг Улан по прозвищу «Рыжий», 8-го марта 1970 года вернулся с ночных посиделок сильно возбужденный. Он рассказал, что ребята пригласили на пирушку девчат с женпеда.² Так вот, среди приглашенных ему приглянулась девчонка по имени Надя. Папа киргиз, мама русская. Красавица, комсомолка, спортсменка! Все бы ничего, однако она ростом выше его на голову.

– Она идеально подходит для тебя, хочешь познакомлю?

Я вежливо отказался.

Тогда он предложил другой вариант:

– Я закадрил ее подругу – казашку Баян. Проблема в том, что они – не разлей вода. Даже решили выходить замуж за братьев! Надя сильно мешает нашим с Баян более глубоким взаимоотношениям. Как друга прошу, отвлеки ее!

– Ладно, так уж и быть.

Мы гуляли вчетвером, и на свиданиях девчонки подкармливали нас котлетами со своей столовой. Получилось так, что вскоре мы с Надюшей стали доминирующей парой.

Она была удивительно наивной девочкой, полагавшей, что детей находят в капусте. Ее наивность, признаюсь, вызвала во мне определенные подозрения. Но, когда познакомился поближе с ее родителями и условиями воспитания,

все понял. Папа Манаппай – идеалист, добровольцем ушедший на фронт в 17 лет, прибавив в метрике год. Наводчиком миномета дошел до Берлина. После войны долго служил в Барановичах танкистом. Потом работал шахтером в Ткварчелли. Там и познакомился Лидией Георгиевной Швидченко, приехавшей из Молдавии. Ныне проживают в селе Ивано-Алексеевке возле моего родного Таласа, работают в колхозе. Воспитывают семерых девчушек, одна другой краше! С детства основные хлопоты по дому и заботы по сестренкам легли на плечи старшей Надюши. Она оказалось натурой с удивительно чистой и романтической душой. Такие сейчас большая редкость. Я начал ее опекать: не дай бог случится беда, мало ли каких прохиндеев в большом городе... Через два года поженились. Справили скромную свадьбу. Перебивались на частных квартирах. Моя стипендия почти целиком уходила на квартплату, а Надежда получала на руки всего 12 рублей. В женпедке к ней относились с уважением как к хорошей спортсменке-волейболистке. Поварихи столовой сверх питания выдавали ей потихоньку и «сухой паек». Из дому родителей привезли пару мешков муки и картошки. Надины подружки любили бывать у нас в гостях и откровенно завидовали нашему счастью.

В сентябре 1973 года у нас родилась дочь Анара. Я к тому времени вышел на госпрактику и обладал уймой свободного времени. По утрам Надюша наеживала молоко и уходила на занятия. Я возился с малышкой. По вечерам, награв на пли-

те воды, наполняли до краев ванночку и купали ее. Уже с 14 дневного возраста начали учить плавать. Через два месяца она уже безбоязненно погружалась в воду с головой, и вынырнув, только радостно улыбалась. Видимо, с тех пор полюбила воду. Анарочка ныне вместе со мной посещает секцию подводного плавания, освоила акваланг.

Младшая дочь Динара родилась в 1976 году в колхозе «Каракол». Она в 15 лет начала заниматься парашютным пятиборьем и совершила 5 прыжков с самолета. Обе мои дочурки выросли рослыми и красивыми, вышли замуж. Внуку Бексултану пять с половиной, ему уже доводилось стрелять из автомата, кататься на БМП и летать на французском вертолете «Эккюрей».

ЧАСТЬ 3. КОЛХОЗ «КАРАКОЛ»

В четырех случаях не следует высказывать ни одобрения, ни осуждения о деле, пока оно не закончится. Во-первых, о кушании, пока оно не переварится в желудке. Во-вторых, о беременной женщине, пока она не разрешится. В-третьих, о храбреце, пока он не покинет ратного поля. В-четвертых, о земледельце, пока он не соберет урожая.

Ас-Самарканди

Глава 1. Колхозный экономист

В 1984-м году я закончил университет и получил распределение в Ляйлякский район на границе с Таджикистаном. Однако отец хотел, чтобы я работал в родном колхозе. Несколько слов об этом хозяйстве. Его много лет возглавлял Рыпек Айдаралиев, ветеран войны, талантливый организатор. Под его руководством было объединено пять мелких колхозов. По сути это было даже не село в традиционном понимании, а маленький город с населением более 5 тысяч человек. Клуб, двухэтажное здание правления, трехэтажная школа на тысячу мест с прекрасно оборудованными кабинетами и огромным спортзалом, центральная котельная. Во-

круг села было высажено 300 тысяч березок! Ныне, по прошествии 30 лет, в тамошних, прежде безлесых местах, шумят красивейшие березовые рощи. А за грибами-подберезовиками приезжают за 200 километров из Джамбула (местные жители грибы не потребляют. На киргизском языке грибы носят неблагозвучное название конских гениталий). Колхоз стал миллионером, был награжден орденом Трудового Красного знамени. В 1984-м наступил кризис. На председателя и главных специалистов было заведено уголовное дело. Ходили слухи, что Первому секретарю ЦК КП Киргизии якобы не понравилась амбициозность Айдаралиева. На открытии памятника селянам, павшим в Великой Отечественной войне, председатель колхоза поддел Усубалиева:

– В столице, между прочим, такого памятника нет.

В колхоз нагрянула большая ревизия. Она работала полгода. Наконец накопили растрату на смехотворную сумму около 5 тысяч рублей. На суд аксакал явился при всех своих боевых и трудовых наградах, а «иконостас» у него – будь здоров! Четверых главных специалистов колхоза вместе с председателем все же посадили.

Вернувшись из мест заключения, многомудрый Айдаралиев изрек:

– Настоящий джигит непременно должен посидеть в тюрьме!

Земляки рассказали, что престарелый Айдаралиев, ныне проживающий в Бишкеке, приезжал в прошлом году в

свой бывший колхоз. Увидев нынешнюю разруху и безнадежду, горько заплакал...

Новый председатель колхоза Бечелов уважил просьбу папы и прислал на меня запрос. Кадровик министерства сельского хозяйства отговаривал:

– В вашем «Караколе» пять безработных экономистов. Они будут под тебя копать!

Но я был непреклонен.

Работа экономиста по труду и заработной плате состояла в том, чтобы строго соблюдались нормативы по расценкам оплаты труда и не превышались объемы реально выполненных работ. Когда первый раз в жизни завизировал документы на 40 тысяч рублей, испытал ни с чем не сравнимое чувство гордости за оказанное высокое доверие.

Впрочем, не все давалось гладко. Помню, учетчик мехпарка принес наряды. Заглядываю в конец документа и вижу, что всем ремонтникам начислено от 200 до 500 рублей зарплаты. Я урезаю их в два раза. В мехпарке бунт. Суровые мужики в замасленных спецовках приходят в кабинет разобраться с сосунком. Усаживаю самого крикливого за стол, самолично подсчитать зарплату. Через пятнадцать минут выясняется, что я был прав. Оказалось, сердобольный учетчик, работающий всего неделю, просто решил осчастливить друзей.

Другой раз зимой, из-за нехватки кормов решили давать буренкам кормовую смесь из сенажа, корнеплодов и соло-

мы, перемалывая их на измельчителе КУФ. Все бы ничего, но на морозе корнеплоды превратились в камень. Ножи кормоизмельчителя начали ломаться. Производительность труда упала. Естественно, зарплату работникам я урезал. Забастовка! Председатель колхоза отдает распоряжение уладить инцидент.

– Или иди сам и работай вместо них на морозе!

Провожу хронометраж, созваниваюсь с соседними хозяйствами. Везде измельчение тонны кормов оценивается примерно в 50 копеек (другие хозяйства перемололи свои корнеплоды еще летом). У меня же требуют платить по 2 рубля! Нигде в Союзе нет таких расценок! Ладно. Начинаю с конца. Беру за основу 2 рубля и накручиваю: разгрузка с прицепа вручную (хотя прицеп – самосвал), перенос на 50 метров, загрузка в измельчитель, отгребание из-под него, обратная переноска на 50 метров, погрузка в тракторный прицеп с высокими бортами (хотя погрузка механизированная) и т. д. Чтобы прикрыться (ведь ревизия будет спрашивать с меня!), составляю новый норматив, добавляю из учебника по планированию сельского хозяйства пару мудреных формул. Председатель кряхтя подписывает сей документ и ставит печать. Через несколько лет, заехав в родное хозяйство, узнаю, что экономист, не мудрствуя лукаво, даже летом оплачивает работу кормозаготовителей по моим расценкам. Я пришел в ужас!

Зимой, чтобы сохранить поголовье, председатель догово-

рился со сторожами казахских зимних пастбищ, примыкающих к нашему хозяйству, потихоньку пасти у них наших барашков. Они взамен просят принять на мясо их бычков. Наши расценки – один рубль двадцать копеек за килограмм живого веса. Бычки упитанные, по 150 килограммов. Однако сторожам этого мало. Приходится искусственно накидывать сверху по 20–30 кило.

В автокатастрофе погиб прекрасный парень. Осталась одинокая старушка мать. Учетчик мехпарка, чтобы как-то помочь ей, начислил покойному зарплату 500 рублей. Я не могу пропустить этот документ. И урезать некрасиво. Поэтому принимаю решение разделить сумму на две части. Вторая зарплата была начислена в следующем после его смерти месяце. А с ревизором, однокашником по университету, мы распили бутылку, и я ему все объяснил. Он понял все правильно.

Глава 2. Комсомольская работа

Весной 1976 года в «Каракол» приехали представители райкома комсомола. Шла кампания обмена комсомольских билетов. В хозяйствах нижней зоны Таласской долины этот процесс уже был близок к завершению, а у нас даже не начинался. Секретарь ВЛКСМ нашего колхоза полгода назад сбежал с молодухой от своей жены в неизвестном направлении. Реальных кандидатов на должность секретаря комитета комсомола было двое: токарь из мехпарка, член КПСС, и я, беспартийный, но с высшим образованием. Токарь, зарабатывавший по 200 рублей в месяц, заявил членам Бюро райкома:

– Будете кормить мою семью – буду секретарем (зарплата секретаря составляла 90 рублей). Будете настаивать – вот мой партбилет: можете забрать его себе.

Члены Бюро поговорили со мной. Обещали принять в партию (для совслужащих вступление в КПСС было практически безнадежным делом). Я согласился. Экономистом я получал 140 рублей, поэтому к моим секретарским 90 прибавили еще 50 колхозного физрука.

Отправили на двухмесячные курсы во Фрунзенскую зональную комсомольскую школу. В столице я забежал в родной аэроклуб, где приняли с распростертыми объятиями. Оказалось, в сборной Киргизии не осталось ни одного пара-

шютиста-киргиза. Обещали вызвать на летние сборы.

Обмен комсомольских документов

Обмен документов начался со сверки. Комсомольский анекдот тех времен: звонит первый секретарь в сектор учета и спрашивает:

- Чем вы там занимаетесь?
- Сверкой, сводкой.
- Водку допить, а Верку ко мне!

В моем хозяйстве числилось 250 комсомольцев. В наличии оказалось около 200. Плюс 50 человек, прибывшие из других мест, не снявшись с учета. Затем нужно было всех сфотографировать. Из райцентра прислали фотографа быт-комбината. В первый день удалось собрать около 30 комсомольцев. На второй день 5–6 человек. На третий день не пришел никто. Фотограф, приехавший в такую даль (до райцентра 75 километров), плюнул на все и укатил обратно в город.

Пришлось мне самому вооружиться фотокамерой. Не расставался с портфелем, в котором темный пиджак, пара белых рубашек с галстуком и белая простыня. Как завижу «объект» комсомольского возраста, сразу к стенке:

- Как фамилия?

Щелк, щелк! Затем проявка пленки, контактная печать. Актив колхозного ВЛКСМ на фотокарточках надписывает фамилии. Таким образом, где-то в течение двух месяцев я

отснял всю молодежь и обменял их документы. Осталось примерно 30 человек, выбывших в неизвестном направлении, но числившихся у меня. В других комсомольских организациях района были аналогичные хвосты. Так что разыскать и сфотографировать их представлялось безнадежным делом. Тогда я прошелся по домам беглецов, порылся в их семейных альбомах и отобрал фотокарточки, где они запечатлены без головного убора. Аккуратно вырезал их головы, наложил на лист белой бумаги и, используя насадочные кольца, сфотографировал. Получились как живые! Через несколько дней принес в райком недостающие фотографии. Заведующий сектором учета Люба Щичко не поверила такой оперативности, заподозрив подтасовку. Поспорили на литр коньяка. Как член Бюро, она лично приехала в колхоз вручать билеты. Разумеется, в обусловленный день в клубе никто не собрался. Поехали по домам. Вызываем родителей:

– Где Ваш сын (дочь)?

– В городе на учебе (в командировке, на отгонных пастбищах и т. д.)

Люба выкладывает перед ними стопку комсомольских билетов:

– Найдите документы вашего сына (дочери).

Родители безошибочно отбирают комсомольский билет и удивляются:

– Где вы его сфотографировали? Он уже два года дома не появлялся!

Щичко была поражена. Пришлось сознаться и самому поставить литр коньяка.

Информационный голод

В колхозе я испытывал острый информационный голод. Поэтому каждую субботу в 6 часов утра на проходящем автобусе уезжал в райцентр. В 10 часов садился в читальном зале городской библиотеки и перечитывал всю периодику, вплоть до журнала мод. В 16 часов с гудящей головой, успевал на последний автобус и поздно ночью возвращался домой. Жена меня понимала. Кроме того часто по ночам ловил «вражьи голоса» по радиоприемнику. По утрам в приемной председателя колхоза среди ожидающих бригадиров и главных специалистов проводил импровизированную политинформацию. Признаюсь, что не всегда они были «просоветскими». Вообще следует отметить, что чабаны, круглосуточно слушая короткие волны своих допотопных «Спидол» и «ВЭФ-ов», гораздо лучше городских жителей информированы о событиях в мире. Уже работая в органах внешней разведки и приезжая в родное село в отпуск, в беседах с земляками на политическую тему, я иногда попадал в затруднительное положение.

Парашютные сборы 1976 года

Надюша преподавала в каракольской средней школе немецкий язык и получала 250 рублей. Я приносил домой лишь по 40–50 рублей. Она не роптала, но мне было стыдно и просвета впереди не было. Захотелось в армию. На офицерских сборах, устраиваемых военкоматом предлагали различные варианты: начфином в Алма-Ату, завклубом на БАМ. Но мне хотелось в десантные войска. Мне объяснили, что разнарядок в ВДВ нет, но если сумею договориться непосредственно с командиром какой-нибудь десантной части, и он пришлет запрос, меня отправят туда. Решил съездить на парашютные сборы и довести количество прыжков до ста. Заодно в аэроклубе навести справки, поскольку у инструкторов имеются неформальные связи во всех десантных частях.

Вскоре пришел вызов из аэроклуба, подписанный самим Председателем республиканского ДОСААФ Героем Советского Союза генерал-лейтенантом Усенбековым. Первый секретарь райкома комсомола на сборы не отпустил. Пришлось «заболеть». Оформив бюллетень, потихоньку сбежал в Кара Балту. Начал прыгать с Д-1-5у. Потом прыжок с расчеховкой ранца на Т-4-4мп. Все нормально. И вот настала пора идти на ручное раскрытие на 10 секунд. Взял с собой фотоаппарат. В воздухе попросил одного из ребят щелкнуть в момент отделения от самолета. Фотограф немного замеш-

кался, а я, вытягивая шею, чтобы выглядеть красивее, сорвался в плоский штопор. Центр вращения находился в районе затылка. Поглощенный попыткой выйти из штопора, я потерял счет времени, и вместо 10 секунд пропадаю 18. Почему это произошло? Дело в том, что опасаясь преждевременного раскрытия парашюта, я сравнил высотомер КАП-3 основного купола до 550 метров (положено 750 метров), а запасного до 350 метров (положено 550). Внезапно сверкнула вспышка, страшный удар! (В момент раскрытия запасного парашюта динамическая перегрузка достигает 20 G). Немного оклемавшись, посмотрел вверх – над головой белая запаска. Пощупал спину – ранец пуст. Глянул вниз – подо мной болтается основной, не успевший раскрыться Т-4-4мп. До земли рукой достать, на ней машет пропеллером ЯК-18, другой самолет заходит на посадку прямо на меня. Шарахнулись они в разные стороны. Стремительно набегает поверхность. Сгруппировался. Удар! Звон пошел, наверное, по всей планете.

Примчался Газ-66. Подобрали со взлетно-посадочной полосы. Начался разбор. Оказалось, я нарушил инструкции по семи пунктам. Досталось и инструкторам. Начальник аэроклуба, глотая валидол, вымолвил:

– Живи, парень, и нам не мешай.

Ребята переживали не меньше меня. Инструктор похлопал по плечу:

– Твое счастье, что вращался вокруг затылка. Был случай,

когда одна спортсменка штопорила вокруг колен. От перегрузки у нее полопались кровеносные сосуды глаз.

Тоска! Видимо, никогда больше не придется прыгать с парашютом. Прощай мечты, прощай любовь! На память о лучших днях жизни осталась лишь фотография. Впрочем, я опять ошибся: довелось – таки попрыгать в «Вымпеле».

Схватка с парторгом

Побитый, вернулся в родной колхоз. Опять потянулись серые будни. 7 марта 1976 года председатель колхоза в присутствии парторга попросил организовать три сотни подарков для поощрения тружениц. Договорившись с завмагом сельпо «под честное слово», я набрал на 300 рублей дешевых духов, мыло, салфетки и прочую мелочь. Упаковали в пластик. Задание было выполнено. Поскольку в колхозной кассе наличных денег не было, председатель обещал рассчитаться с магазином в течение недели. И тут начались неприятности. Председатель на пару месяцев слег в больницу. Вскоре его вовсе сняли. Потом сменился главный бухгалтер. Новый председатель и главбух платить по старым счетам отказались. Единственный свидетель долгов парторг не захотел брать ответственность на себя. Бедный завмаг сперва умолял, потом начал хватать меня за грудки. Я оказался в дурацком положении. Триста рублей в ту пору были огромные деньги. Доведенный до отчаяния, в присутствии всего кол-

хозного актива я пообещал парторгу свернуть шею, что не прибавило теплоты во взаимоотношениях. Однако немного поостыв, поехал в Талас и записался на прием к первому секретарю райкома партии. Он выслушал, не проронив ни слова. Но инцидент был разрешен.

Вскоре в наше хозяйство нагрянула очередная высокая комиссия из столицы. Теперь они копали под председателя Бечелова. Представитель ЦК КП Киргизии потребовал у меня письменный отчет о комсомольских делах: почему молодежь пьянствует и дебоширит, несколько месяцев не платятся комсомольские взносы и т. д.

Я написал, что полгода колхозники не получают зарплаты. Члены КПСС умудряются своевременно уплачивают партийные взносы потому, что им оформляют аванс, в то время как нам, комсомольцам, это запрещено. Что мы организовали неплохой вокально-инструментальный ансамбль на средства, собранные молодежью. Однако авансовую ведомость на закупку двух электрогитар, подписанную еще полгода назад прежним председателем, не пропускает парторг. Упомянул и о распроданных подарках. Отметил и определенные успехи: начав последними, мы первыми в районе завершили обмен комсомольских документов, действуют комсомольско-молодежные бригады.

По завершении ревизии на бюро райкома партии комиссия зачитала и мой отчет.

Вскоре меня пригласили на должность инструктора орг-

отдела райкома комсомола и мы с семьей переехали в Талас. Парторг еще долго, на каждом районном партбюро патетически восклицал:

– Как можно повышать в должности человека, развалившего работу комсомольской организации колхоза?

Но это уже было с его стороны бестактно в отношении районного начальства. Его осадили.

ЧАСТЬ 4. ТАЛАССКИЙ РАЙКОМ КОМСОМОЛА

*Не тот умен, кто умеет отличить добро от зла,
а тот, кто из двух зол умеет выбирать меньшее.
Аль-Харизи*

Инструктор райкома

Незадолго по моего перехода в райком там полностью сменился аппарат. Первым секретарем стал Турдукулов Канат, матерый комсомольский волк. Он принял организацию, которая числилась в республике на предпоследнем месте. За год по всем показателям среди 28 райкомов мы заняли второе место. Завергом был Майтпасов Биримкул, аккуратный и педантичный сотрудник. Я курировал работу комсомольских организаций промышленных предприятий и колхозов. Главным в работе было, чтобы функционировали комсомольско-молодежные бригады, своевременно уплачивались взносы, выполнялась разнарядка приема новых членов и вовремя подавались наверх в ЦК отчеты. С обязанностями мы справлялись успешно. У всех орготделов ВЛКСМ головной болью является прием новых членов. Попробуй затащить в комсомол работягу, у которого и так хватает своих житей-

ских проблем. Я решил этот вопрос просто. Как член призывной комиссии два раза в год я восседал на медкомиссии в военкомате. В актовом зале суровый майор военкомата давал команду призывникам:

— Комсомольцы направо, остальные налево! Комсомольцы будут служить в Германии, в Москве, в морфлоте. Остальных отправлю на Сахалин, на Магадан, к черту на куличики!

Перепуганные некомсомольцы валом валили ко мне. Используя прежний опыт, я тут же их фотографировал и собирал по 50 копеек. Отснятые пленки и деньги отдавал в быткомбинат. На следующий день приезжали комсорги, отбирали фотографии своих ребят и оформляли необходимые документы. Тут же заводили призывников к членам бюро. Таким образом, план приема в комсомол выполнялся на 100 процентов, даже оставался резерв.

Вскоре со всех концов Союза зачастили к нам различные делегации по обмену опытом. Недели не обходилось без гостей. Пытливые коллеги начинали с бумаг. В орготделе хранились красивые кожаные папки с идеально составленной документацией на каждую комсомольскую организацию. В первичках имелись их дубликаты. Проверяющие наугад выбирали какую-нибудь папку, изучали ее, и просили свозить на места. Больше всего им нравилось ездить по колхозам. Потому что там неплохо угощали, устраивали охоту или рыбалку. Потом, уже в более раскрепощенной обстановке на

лоне природы, они пытались выведать наши секреты, но мы их никому не раскрыли.

В ту пору я увлекся каратэ и на этой почве сошелся с сотрудником местного КГБ. Вскоре мне предложили перейти в органы. Проверка длилась полгода. Трудности возникли с проверкой по спецучетам: у меня десять человек близких родственников, у жены девять, все они родились в разных местах, сменили много мест жительства. У любого оперативника руки опустятся. Не долго думая, сотрудник КГБ предложил мне самому заполнить требования. Их оказалось 147 штук! Позже я слышал, как в Узбекистане ленивый опер «зарубил» хорошего парня только из-за того, что у него было слишком много родственников.

Летом 1979 года наконец все необходимые справки были собраны. Тут возникла проблема с партийностью. Своей очереди приема в КПСС ждали в райкоме комсомола двое более высокопоставленных коллег: заорг и второй секретарь. Но начальник КГБ Аман Доскеев переговорил с первым секретарем райкома партии и вопрос был улажен.

В августе съездил в родной колхоз «Каракол», и объявил, что уезжаю на учебу в Высшую партийную школу. Практичные бригады смекнули, что через пару лет я вернусь минимум парторгом, а то забирай и выше. В общей сложности они наобещали семь барашков. Но я взял две овечки и пару фляг кумыса, и то у чабанов, друзей детства. В райкоме комсомола организовал отходную.

ЧАСТЬ 5. СЛУЖБА В ОРГАНАХ КОНТРРАЗВЕДКИ

*Чтобы быть справедливым возмездье могло,
лишь злом воздавать подобает за зло.
Фирдоуси*

Глава 1. Минская школа

В конце августа 1979 года я приехал в Минск на Высшие курсы КГБ СССР. Несколько дней длилось тестирование и собеседование. На первой установочной лекции, начальник курсов заявил:

– Из числа сидящих в этом зале через десять лет 5–6 слушателей станут генералами. Примерно столько же человек не поднимутся выше майора. Остальные будут подполковниками и полковниками. Минские курсы являются лучшим учебным заведением контрразведки в стране. Московская Высшая школа КГБ, разумеется, думает иначе. Но факты налицо. Об этом свидетельствует статистика.

Думаю, что слушатели мысленно примерили на свои плечи генеральские погоны. Я уж точно. Каждый из нас, сидящих в зале, имеет высшее образование, в течение нескольких лет успел поработать в народном хозяйстве по своей ос-

новной гражданской специальности. Мы только что, впервые в жизни одели офицерскую форму. Хромовые сапоги, хрустящие португепи, это, знаете ли, чертовски здорово! Покажите мне мужчину, который не мечтал бы носить военную форму! Солидные тридцатилетние мужики украдкой бежали в фойе поглядеться в зеркало как самые последние инстинутки. На моих погонах красовались три маленькие звездочки. Таких старлеев на курсах было всего несколько. Основная масса слушателей были лейтенантами. Были и сержанты из тех, которые обучались в вузах без военных кафедр. Они получали по 75 рублей курсантских, в то время как я – 205. Из этой суммы 150 рублей ежемесячно отправлял своей жене. Сержантам через полгода Приказом Председателя КГБ присвоили лейтенантские звания.

По результатам тестирования первое место на Курсах получил Валера из Ленинграда с коэффициентом 4,6 балла! Это близко к гениальности. Пятерку в принципе получить невозможно, пятерка – это абсолют! Он стал командиром нашей учебной группы. Минимальный показатель – 2,8 балла, имел парнишка с соседней группы. Через полгода его отчислили за неуспеваемость. Остальные ребята плотно вписались между 3,5 и 4. Это свидетельствует о том, что в органы госбезопасности отбирали не самых худших. Я с 4,2 баллами был назначен заместителем командира группы.

В каждой группе было по 14 слушателей, приехавшие с разных концов Союза. Проживали в общежитии по четыре

человека в комнате. В нашей комнате кроме меня были ребята из Самары, Эстонии, и Казахстана.

Утро начиналось с получасовой пробежки и зарядки. Затем туалет и завтрак. Занятия строились по схеме, отработанной многолетней практикой. Сперва установочные лекции по спецдисциплинам, на которых преподаватели знакомили нас со свежими материалами из практики контрразведки.

После обеденного перерыва занятия продолжались до 18 часов. С 18 до 20 часов самоподготовка. Затем ужин и личное время. Отбой в 23 часа.

Учебников по спецдисциплинам было много. Но еще интереснее было читать первоисточники: это были настоящие материалы по наиболее громким делам, известным и неизвестным широкой публике. Времени, отведенной на самоподготовку катастрофически не хватало. Поэтому после ужина возвращались в класс и засиживались до отбоя. Секретчик просто отбирал у нас документы, запирали их в железный шкаф и выгонял всех из класса. Признаюсь, что после Минской школы я охладел к детективам, потому что реальные операции во много раз оказались интереснее писательских выдумок.

Глава 2. Лучше иметь красную рожу и синий диплом, нежели синюю рожу и красный диплом

В справедливости этого студенческого афоризма убедился на практике. В нашей группе был парень, окончивший школу с золотой медалью и ВУЗ с красным дипломом. Обладая феноменальной памятью, на семинарских занятиях он слово в слово цитировал выдержки из учебников. Но стоило преподавателю задать каверзный вопрос, начинал плавать. Мы, хронические троечники в прошлой жизни, напрягая извилины и, используя житейский опыт, выкручивались. Иногда даже поражали преподавателя оригинальными вариантами решения задач и получали пятерки. Оказалось, что в оперативном работнике выше всего ценится именно способность думать. Через полгода, адаптировавшись к учебе, даже выкраивали время сбегать на танцульки в ОДО. При упоминании окружного дома офицеров у каждого выпускника Минской школы непременно мелькнет улыбка, он вспомнит солдатский духовой оркестр на сцене, наярывающий «твист» и «шейк», красивых барышень у входа, хватающих офицеров за руки:

– Товарищ лейтенант, проведите пожалуйста на танцы!

И без пятнадцати одиннадцать торопливое прощание с де-

вушкой и стремительный марш-бросок в расположение, чтобы успеть на вечернюю поверку.

Бывшие отличники получали тройки и имели бледно-сизюшные лица. Ходили байки, что на предыдущем потоке у одного «отличника» от перегруза поехала крыша: заметили, что каждое утро он надраивает щеткой сапоги Феликсу Эдмундовичу, чей огромный портрет висел в вестибюле. Над шутником сперва посмеивались. Спыхватились, когда он начал пускать пену и кусаться. Короче, повязали и отправили домой.

Случилось так, что в начале учебы один из наших слушателей, будучи в городе, на пять минут опоздал на вечернюю поверку. Ему устроили разнос по служебной и партийной линии. Один ретивый коммунист даже предложил исключить его из партии. Это было уж слишком. Мы заступились за своего товарища:

– Ребята, проблема не стоит выеденного яйца. Посмотрим, что еще будет к концу учебы! Предлагаем ограничиться «постановкой ему на вид».

Парню все же вклеили выговор.

Через полгода «ретивый коммунист» не вернулся ночевать. Мы с Валерой не доложили по команде, надеясь, что к утру он объявится. Парнишка был холостой, возможно завлекла в свои сети какая-нибудь красотка. Однако он отсутствовал и на утренней поверке. Мы еще на что-то надеялись. Прошла двухчасовая лекция в актовом зале. Его все нет. На

семинарских занятиях преподаватель наконец обратил внимание на его отсутствие. Начался разбор. Переговорили с ребятами, с которыми вечером он был в ресторане, и выяснили, что он ушел провожать официантку Танечку. Позвонили в ресторан. Оказалось, у них работают четыре Тани. Попросили домашний адрес той, которая сегодня не вышла на работу. Ребята съездили к ней на квартиру и обнаружили нашего героя в нежных девичьих объятиях. Возмущению ребят не было предела: так бесстыдно подставить группу! Потом все же сделали скидку на то, что он в эту ночь лишился невинности, и ограничились выговором по партийной линии. Однако он подводил еще не раз.

Я закончил Высшие курсы с одной четверкой по Советскому уголовному праву, однако попал в список отличников. Большинство зачетов заработал «автоматом» за активность на семинарских и практических занятиях. И что интересно, получил пятерку за ненаписанный реферат по научному коммунизму. Когда я поделился мыслями о том, в каком ключе собираюсь раскрыть содержание темы, преподаватель схватился за голову, и попросил этого не делать.

На выпускных трехсуточных учениях я оказался в редколлегии стенной газеты, которая освещала действия участников. По плану учений в Минск приезжал иностранный дипломат-разведчик (эту роль прекрасно сыграл сотрудник центрального аппарата КГБ Белоруссии, владевший несколькими языками), которого наши ребята «пасли». Кро-

ме того слушателям приходилось писать запросы и спецпроверки, составлять заявки на проведение оперативно-технических мероприятий и наружного наблюдения, читать их отчеты и на их основе готовить аналитические справки. Все происходило как в реальной боевой обстановке. Мы, члены редколлегии были посвящены в планы учений на два хода вперед и успевали выпустить свежие материалы точно к тому моменту, когда усталые слушатели, после обсуждения очередной задачи и принятия решения, выходили покурить. Они поражались оперативным фотосъемкам с мест: узнавая свои перекошенные физиономии, кто-то хохотал, кто-то краснел. Газета на оберточной бумаге каждые два часа прибавляла в размерах на несколько метров. Когда все четыре стены огромного фойе были заняты, стала закручиваться в спираль на выносных стендах. Общая длина стенгазеты составила 147 метров! Его показали самому Председателю КГБ Белоруссии. Председатель смеялся до слез! Именно после этого наш генерал, начальник Высших Курсов, своим приказом зачислил меня в категорию отличников.

Глава 3. Город Минск

Минск 1979 года – чистый, ухоженный город. Много театров и музеев. Девушки красивы, парни приветливы и добродушны. Обеспеченность продуктами питания и товарами – получше, чем в Москве. Отношение жителей Минска к людям в военной форме было каким-то особенно трепетным. Бабульки в магазинах любезно старались пропустить нас без очереди. Ежемесячно я отправлял дочуркам посылки с конфетами, жевательной резинкой и прочими подарками. Минские ребята рассказывали, что этому изобилию они обязаны Первому секретарю ЦК КП Белоруссии, Герою Советского Союза Машерову, который, в отличие от других республиканских лидеров, сумел в свое время сказать «нет» Хрущеву и сохранить поголовье скота. Мне довелось дважды его видеть близко: на демонстрации 7 ноября 1979 года, когда мы стояли в оцеплении правительственной трибуны, и на День Победы 1980-го, при возложении венков к монументу павшим в Великой Отечественной войне. По реакции людей было видно, что его искренне уважают и любят. Трагическая смерть Машерова потрясла всех.

Нынче мне совершенно не понятна реакция некоторых отморозков, выступающих против воссоединения России и Белоруссии. По этому поводу вспоминается мнение одного ветерана войны: «здесь вражество какое-то есть!»

Глава 4. Олимпиада-80

В начале 1980 нам объявили, что вся Минская школа будет задействована на обеспечении безопасности Олимпиады-80. Сверх установленной учебной программы начались дополнительные занятия. Лекции читали представители Советского Национального Олимпийского комитета, известные спортсмены, медики, сотрудники внешней разведки и контрразведки. От врачей мы узнали «главную Олимпийскую тайну»: о том, как обмануть допинг-контроль. Оказывается, только в двух странах мира имеется технология выявления применения анаболиков: в Советском Союзе и Великобритании. На предыдущей Монреальской Олимпиаде-76, из Канады в Англию ежедневно гоняли специально зафрахтованный американский сверхзвуковой бомбардировщик с анализами мочи участников соревнований.

Сотрудники внешней контрразведки рассказали, что не пустили в Союз полторы тысячи туристов только из одной ФРГ, на которых имелись материалы о связях с экстремистскими организациями.

Пограничники высыпали перед нами мешок иностранных паспортов и научили как распознавать фальшивые.

Мы должны были заниматься аккредитацией всех прибывающих. На каждого из них отводилось 30 секунд. За это время должны были успеть сличить его физиономию с фото-

графией на документе, отпечатать на машинке его фамилию, наклеить фото, заламинировать документ, пробить в нем дыроколом отверстия, пропустить и завязать шелковый шнурок и повесить на шею дорогому гостю.

Рано утром 1 июня 1980 года эшелон со слушателями Минской школы прибыл в Москву. Столица сияла чистотой вымытых улиц и прозрачной свежестью воздуха. Нас разместили на первом этаже казармы военного училища авиационных техников ПВО неподалеку от Олимпийской деревни. На втором этаже поселились будущие особисты из Новосибирской школы КГБ. Их одели в милицейскую форму и поставили старшими над курсантами училищ МВД. Мы ходили в гражданском. Вообще-то сперва одели в специальную униформу: некая зарубежная фирма, нашив на залежалые синтетические спортивные костюмы десятилетней давности свой товарный знак, подарила их Олимпиаде. Выглядели мы в них чучелами огородными. Президент МОК Майкл Килланин, увидев наших ребят в вестибюле гостиницы Москва, испугался их внешнего вида, и распорядился срочно переодеть. В тот же день для нас закупили крупную партию цивильных ГДРОВских костюмов.

Наша учебная группа в полном составе попала в центральный пункт аккредитации, который размещался в Лужниках. Мое рабочее место находилось в комнате за железными дверями, на которой висела грозная табличка: «Посторонним вход запрещен». В комнате стоял бронированный агрегат с

револьверной подачей полок, которым заведовал гражданский парень из оргкомитета по имени Олег. В этом агрегате хранились все Олимпийские карточки. Согласно многолетней традиции, они делятся на категории А, В, С, D, E, F и являются документом, по которым в период официального проведения Игр разрешается свободное пересечение государственной границы принимающей страны без паспорта и досмотра багажа! Для владельцев этих карточек не должны существовать закрытых зон и городов. Представляете, какой соблазн испытывали зарубежные спецслужбы? И какой колоссальный объем работы проделали наши органы безопасности, чтобы предотвратить нежелательные эксцессы?

Кроме того были карточки, выдаваемые сотрудникам службы безопасности и обслуживающему персоналу. Тут у нашего оргкомитета возникла более серьезная проблема: как быть с Леонидом Ильичом и другими уважаемыми людьми? Ведь они не являются участниками Игр и по существующим правилам не имеют права доступа на Олимпийские объекты. И тогда чья-то гениальная голова родила идею изготовить карточки для внутреннего пользования: ПГ (Почетный гость), СО-1, СО-2 и СО-3 (Советская общественность первой, второй и третьей категорий). В категорию почетных гостей попадали члены Политбюро КПСС, главы зарубежных государств и лидеры коммунистических партий. Олег мечтал лично аккредитовать Леонида Ильича и вручить ему карточку ПГ No 000001, однако члены Политбюро обошлись без

нашей помощи, у них и так был проход всюду.

На карточки СО-1 имели право первые секретари ЦК Советских республик с женами. СО-2 положено было вручать республиканским Председателям Президиумов Верховных Советов, заведателям ЦК КПСС, некоторым космонавтам (но уже без жен). С карточками СО-1 и СО-2 можно было посещать открытие и закрытие Олимпиады и все игры. Карточки СО-3 выписывались персонально известным спортсменам, министрам, ученым, артистам, писателям, некоторым передовикам производства и космонавтам. Этот контингент был самым многочисленным. Почему и по какому принципу разделили космонавтов на «Советскую общественность» второй и третьей категорий не знаю. С карточками СО-3 можно было только посетить открытие и закрытие Олимпиады и без очереди купить билеты на любые игры.

Так было задумано. На практике получилось несколько иначе. У нас были заверенные Руководством КГБ списки людей, которым нужно было выписать карточки. Хотя грифа секретности на этих документах не было (на Олимпийских играх секреты не положены), доступ к ним имел узко ограниченный круг лиц. Многие министерства и ведомства прислали заявки не только на своих руководителей, но и на их первых заместителей. А если учесть, что в некоторых министерствах было по дюжине первых замов, к тому же они захотели взять с собой жен, можете представить, какой бардак у нас начался. Конкретный пример: как не выписать СО-2 Юрию

Леонидовичу Брежневу, который являлся где-то одиннадцатым первым заместителем внешнеторгового ведомства? Но в таком случае, чтобы его не смущать, следует уважить и всех остальных первых замов! Карточка была подготовлена, но к чести Юрия Леонидовича, он от нее отказался. Один из наших отцов-командиров, руководствуясь инструкцией, сперва отправил в корзину фотографии всех «лишних» жен. Потом спохватившись, затребовал обратно и распорядился по особому благу все же удовлетворить просьбу некоторых из них. Поскольку фамилии жен и мужей не всегда совпадают, мы начали путать их фотографии, что вызвало жуткое неудовольствие заказчиков. Но это еще полбеды: некоторые высокопоставленные особы проходили сразу по трем заявкам: по линии ЦК, КГБ и своего министерства. Должен сознаться, что были случаи, когда под давлением Руководства мы умудрялись выписывать на одного человека по три карточки!

В нашей комнате имелся аппарат для уничтожения секретных документов, который перемалывает бумагу в мелкую лапшу. Регулярно к нам приносили горы компьютерных распечаток, подлежащих уничтожению. Комната была буквально забита мешками с огнеопасным мусором. А дурацкая режимная система не позволяла выносить даже мусор без особого на то распоряжения. Кроме того стоял ксерокс, подарок английской фирмы «Ксерокс». Это было сооружение размером с письменный стол. Часто он «жевал» бумагу и горел. В таких случаях мы просто дожидались, пока внутри него

все выгорит, затем разбирали, протирали спиртом барабан и продолжали работу. Так что работа наша была пыльной, дымной и огнеопасной.

Несколько слов о большом олимпийском компьютере. Эту совершенно секретную американскую разработку удалось заполучить благодаря Президенту МОК Майклу Килланину. Однако американцы по – видимому что-то там подпортили, и компьютер часто барахлил. Именно его распечатки мы периодически перемалывали. Тогда Олег предложил старый и надежный способ учета: ручную картотеку. Все Олимпийские документы были ксерокопированы в трех экземплярах и разложены в трех картотеках: по номерам, по фамилиям участников и по странам. В нашей секретной комнате стоял телефон закрытой связи, соединенный с наружным наблюдением. «Наружка» постоянно просила проверить по картотеке интересующих их лиц. Однажды ребята повели по телефону забавную историю:

– Пришел к нам вчера сердитый генерал и устроил разнос. Потом протянул листок с несколькими номерами документов и потребовал установить их владельцев. Я вышел в соседнюю комнату и позвонил вам. Через три минуты вручил генералу полные установочные данные на затребованных. От такой оперативности он охренел, и объявил всем благодарность. Все-таки компьютер – великое дело!

Если бы он знал, какой у нас «компьютер».

Чрезвычайные прошествия на Олимпиаде

Каждое утро в 10 часов наш классный руководитель – подполковник собирал группу на пятиминутку и доводил до сведения личного состава обо всех ЧП, происшедших за сутки. В центральном пункте аккредитации кроме нас переводчиками работали ребята и девчата из института имени Мориса Тореза. Наш чекистский коллектив, за полгода до Игр начавший отращивать патлы и бороды, выглядел довольно живописно и придерживался в общении с гражданскими специалистами соответствующей легенды и линии поведения. Я, например, представлялся вторым секретарем Таласского райкома комсомола, мобилизованным на Олимпиаду по линии ВЛКСМ. Гражданские не могли взять в толк, почему на эти пятиминутки одних допускают, других нет.

Так что о чрезвычайных происшествиях мы узнавали официально на ежедневном инструктаже своего командира, неофициально по телефону от «наружки», и от наших ребят, работающих на других объектах.

Один пожилой чеченец в аэропорту зарезал кинжалом офицера милиции и тут же был схвачен. Иностранный турист вынашивал намерение раздевшись догола, приковать себя наручниками к ограде возле Мавзолея на Красной площади и развернуть транспарант с требованием предоставить

свободу советским гомосексуалистам. Но его по пути перехватила агентура КГБ из числа иностранцев и так накачала русской водкой, что несколько дней он не мог оклематься. Группа интуристов привезла с собой крупную партию самоклеящихся листовок антисоветского содержания. Однако, побывав на открытии Игр и ознакомившись с нашей действительностью, отказалась от акции и увезла листовки обратно. Французский спортсмен занимался любовью с нашей официанткой на газоне Олимпийской деревни, не ведая, что находится под наблюдением телекамер. Ему не стали мешать, а официантку наутро уволили. Бригада наружного наблюдения зафиксировала контакт иностранного разведчика с нашим гражданином. При проверке документов этот вальяжный гражданин предъявил удостоверение сотрудника ЦК КПСС. Ребята оробели. На запрос КГБ в ЦК ответили, что такой человек у них не числится. «Наружке» устроили головомойку.

Во время Игр с одним из наших ребят произошел интересный случай. Из Индии взамен судьи (то ли по хоккею на траве, то ли по конному поло, точно не помню) приехал другой человек, член Индийского Национального комитета. С ним консул, документы в полном порядке, вроде никаких проблем. Но бдительный молодой чекист усадил гостей за стол, попросил очаровательных девчат-переводчиц угощать и всячески развлекать их, а сам кинулся к телефону. Как на грех он не смог найти ни одного ответсотрудника, способно-

го принять решение. Индийцев продержали в зале аккредитации почти четыре часа! Консул заявил протест. Назревал международный скандал. И тогда парнишка, взяв на себя ответственность, объяснил, что не может выписать на его имя карточку категории D, поскольку судейский уровень уважаемого господина не соответствует олимпийскому. Взамен готов, если он не возражает, выписать карточку более высокой категории В. Индус рассмеялся и согласился. Инцидент был улажен.

Действия нашего коллеги были высоко оценены Руководством. Не исключено, что парнишка предотвратил провокацию: зарубежные средства массовой информации могли раздуть шумиху, типа, мол, Советы не смогли даже пригласить на Игры судей соответствующего уровня.

В целом Олимпиада-80 прошла без особых неприятностей. Открытие и закрытие Игр были просто потрясающи! Мы испытывали законную гордость за Державу, сумевшую организовать и провести такое сложное мероприятие, в котором есть крупица и нашего труда. Приказом Председателя КГБ всему чекистскому коллективу, принимавшему участие в обеспечении безопасности Олимпиады, была объявлена благодарность.

Глава 5. Возвращение домой

По завершении Олимпийских Игр я вернулся в родной город. Папа повел меня в сарай и с гордостью продемонстрировал двух упитанных барашков:

– Я их специально откармливаю к твоему приезду. Приглашай друзей, есть чем их угостить.

Оказывается, откладывая со своей скудной пенсии, он сумел несколько месяцев назад купить пару ягнят. Патрульные милиционеры рассказывали, что каждую ночь видели отца, тайком рвущего траву на газоне в центре города, и стараясь не смутить аксакала, обходили это место стороной.

За год моего отсутствия Надежде довелось пережить многое, мыкаясь с двумя детьми по частным квартирам, занимаясь проблемой приобретения дров и угля. Однако в своих письмах она ни разу не обмолвилась о трудностях.

Глава 6. Первое оперативное задание

На следующее утро раздался телефонный звонок из КГБ. Поздравили с окончанием школы, и хотя впереди у меня был целый месяц отпуска, попросили срочно выйти на работу.

Оказалось, получены оперативные данные о том, что в доме главы местных баптистов возможно находится подпольная типография. Поскольку меня еще никто в Таласе не знает как оперативника, нужно было под благовидным предлогом посетить дом баптиста и попытаться обнаружить эту типографию. Подготовленная для меня легенда была смехотворной. Мне была заготовлено удостоверение сотрудника республиканского комитета Народного контроля и анонимное письмо о том, что гражданин Левен Генрих Петрович на дому якобы занимается незаконным пошивом меховых шапок. Взяв с собой двух сотрудников местного Народного контроля, я пришел к Левену. В общем, обнаружил у него большое количество чистой бумаги, клей, несколько сот экземпляров Нового завета, выпущенного издательством «Христианин». Но это все было не то. Наконец нашел крупную партию самиздатовской литературы, и внушительную пачку литературы антисоветского содержания, в которой содержались материалы об узниках совести, о кознях «кагебистов» в отношении верующих и т. д.

Чета Левенов и районные Народные контролеры нако-

нец сообразили, что в моем лице имеют дело с комитетчиком. Однако начальством мне было велено упорно придерживаться отведенной дурацкой роли. Как законопослушный гражданин, я вызвал участкового милиционера, чтобы составить необходимый протокол. Районный прокурор поспешил скрыться от нас в неизвестном направлении, хотя ему строго было указано сидеть на телефоне и никуда не отлучаться. Участковый изъяс по описи всю религиозную литературу на экспертизу. Потом, правда, вернули Левенам все, кроме антисоветчины. Через пару лет Генриха Петровича все же посадили за автонаезд на пешехода. Но к этой истории я уже не имел отношения.

Глава 7. Кировское райотделение КГБ

По возвращении из отпуска я был распределен младшим оперуполномоченным Кировского райотделения КГБ. Об этом позаботился Жениш Качикеев, который оформлял меня на работу в органы и теперь стал моим непосредственным начальником. Надежда устроилась инспектором РайО-НО. Пару месяцев мы с семьей жили на квартире у родственника. Потом предоставили трехкомнатную квартиру. Мы тут же поменялись с многодетным соседом, нуждавшимся в расширении, а сами вселились в их двухкомнатную. В Кировке я родился, здесь хорошо знают моих родителей. Так что будущая оперативная работа теперь будет протекать как в аквариуме, под бдительным и критическим оком многочисленной родни и знакомых.

Наше Кировское райотделение, в котором работало всего два человека, обслуживало четыре сельскохозяйственных района. Кроме того имелись объекты Особой народнохозяйственной важности. Вскоре в структуре КГБ Киргизии произошла реорганизация и было создано Таласское управление, куда вошло наше райотделение.

Я проработал в Кировке всего два года, однако в моей практике было множество интересных дел. К великому сожалению, не обо всех можно написать, поскольку из-

лишняя откровенность может повредить негласным помощникам, участвовавшим в этих оперативных комбинациях. Единственное, что могу сделать в такой ситуации, это сказать в их адрес слова самой искренней и теплой благодарности за их нелегкий и опасный труд. Все агенты, а среди них были киргизы, русские, немцы, греки, курды, турки, китайцы, переданные мне на связь и завербованные лично, работали на идейно-патриотической основе.

Глава 8. Сибирская язва

Где-то в конце сентября 1980-го в Кировскую районную больницу были доставлены 7 человек с признаками сибирской язвы. Медики сработали оперативно: немедленно задействовали мобилизационный план, выделили отдельное здание и изолировали больных от внешнего мира. Здесь следует особо отметить, что Кировская райбольница по всем показателям числилась лучшей в республике. На следующий день госпитализировали еще несколько человек и количество больных достигло четырнадцати. Через три дня был создан областной штаб по борьбе с эпидемией. Объявили карантин вокруг села, откуда поступили зараженные. Началось расследование. Задача органов безопасности в таких ситуациях четко очерчена в наших собственных мобилизационных планах. Не детализируя, могу сказать, что там содержатся пункты по которым мы обязаны оперативными возможностями установить истинные причины случившегося и пресекать панику. Ведь не исключается диверсия и сознательное распространение ложных слухов. С другой стороны чрезвычайные происшествия зачастую происходят по вине или халатности ответственных лиц, которые всеми силами будут пытаться выгораживать себя и дезинформировать Руководство. Так было всегда. Падают самолеты, тонут пароходы, взрывается реактор – КГБ тут как тут. Оперативников боят-

ся и ненавидят. Но они делают свое дело.

Получаю сигнал: распространяются слухи о том, что «уже погибло несколько человек, скотина вымирает сотнями. Село оцеплено автоматчиками. Сибирская язва неизлечима, поэтому, опасаясь эпидемии, правительство приняло решение сжечь село вместе с жителями».

Вот это да! Два раза в день я передаю в областное УКГБ сводку о состоянии больных. Еще вчера вечером их здоровье не вызывало тревоги. На всякий случай звоню дежурной медсестре изолятора и узнаю: больных осталось одиннадцать человек! Неужели трое уже скончались? Бросаю трубку и мчусь в больницу. Заместитель главного врача выглядит совершенно спокойным:

– Вчера я уже выписал троих и отправил домой. Остальные тоже в норме, просто хочу привести их пораженные язвой лица в порядок.

Слава богу! Звоню из кабинета врача в УКГБ, докладываю об обстановке. Теперь нужно срочно профилактировать паникера. Едем в очаг заражения. По дороге замглавврача рассказывает о сибирской язве.

– Обычно переносчиками вируса являются коровы. В нашем районе в прошлые годы было зафиксировано 4 случая заболевания скота. Их мясо нельзя употреблять в пищу, туши животных не сжигают, а положено замуровывать в цемент. На могиле ставится памятник: «Здесь в таком-то году похоронена корова „Машка“, павшая от сибирской язвы».

Территория могильника огораживается забором, чтобы не паслась другая скотина. Потому что вирус способен сохранять жизнеспособность в течение десятилетий. Однако какой к черту цемент и надгробный памятник корове? Закопали туши и все. Наши пациенты употребляли мясо зараженной буренки, которая, видимо, паслась в таком месте.

У въезда в село шлагбаум, участок дороги засыпан опилками, пропитаны дезинфицирующим раствором. Разбита палатка, возле которой скучает милиционер и ветеринарный врач. В селе в одном из домов заседает областной штаб. Каждое утро десяток «Волг» привозят сюда высокопоставленных особ и вечером увозят обратно. Завидев нас, поддатые члены штаба делают мужественные лица (они считают, что водка является лучшим профилактическим средством от любой болезни). Через улицу заседает другой штаб, но уже районного масштаба, с не менее мужественными ответработниками. Идиотизм! Ведь они и являются самыми главными потенциальными разносчиками заразы!

Ветеринары объясняют, что провели в селе вакцинацию всех коров и овец. Десяток истощенных овечек, не выдержав большой дозы, издохли.

Нахожу в селе паникера и беру в оборот. Перепуганный мужичок объясняет, что услышал от одного курда историю, якобы в прошлом столетии в Иране, не сумев справиться с чумой, власти сожгли село со всеми жителями. Пообещав лично сжечь живьем его самого, если будет много болтать,

отпускаю восвояси.

Глава 9. Возвращение младенца

Одна русская женщина, бомж, обратилась к врачу-гинекологу с просьбой прервать нежелательную беременность. Врачиха за услуги предложила оштукатурить и выбелить огромный дом. Женщина в течение четырех месяцев выполнила работу. Но к тому времени срок беременности оказался слишком большим. Гинеколог отказалась проводить операцию, предложила родить и отдать ей ребенка, обещав заплатить хорошие деньги. Женщина согласилась. Родился симпатичный голубоглазый мальчонка. Увидев чадо, мать наотрез отказалась расставаться с ним. Врачиха запретила приносить ребенка на кормление, и объявила, что ребенок умер. За ней уже давно тянулся хвост нехороших дел. Был даже смертельный случай с юной пациенткой. В селе поговаривали, что она сознательно умертвила ее, чтобы выдать за ее мужа свою близкую родственницу.

Моя супруга, входившая по линии Кировского райОНО в комиссию по усыновлению детей-сирот, решительно взялась за дело. Накупили подарков и приехали на оперативной машине КГБ в больницу проведать роженицу. Бедная перепуганная женщина ничего не могла понять, рыдала и оправдывалась. Еле успокоили. Принесли ребенка. Как она целовала и ласкала его! Мы договорились, что она всем будет рассказывать, что Надюша приходится ей дальней родственни-

цей. Под мою диктовку корявым почерком написала заявление в прокуратуру. Районный прокурор дал ход делу. Врача-гинеколога сняли с должности. Роженицу в срочном порядке перевели в более комфортабельную палату. Врач-педиатр объяснил мне, что ребенок нуждался в каком-то лечении, потому и не носили несколько дней на кормление. Далее больше. Врач сказал, что нельзя выписывать ребенка, пока для него не будут созданы соответствующие условия содержания и проживания. По просьбе больницы райисполком тут же выделил роженице комнату в общежитии барачного типа. Записали в домовую кухню, где ребенок будет получать бесплатное питание.

Настал день выписки. Мы с начальником райотделения КГБ Качикеевым сложили деньги, купили детский комплект, шампанское, цветы. В больнице все прошло как положено: медсестра завернула и торжественно вынесла ребенка, я выстрелил шампанским, Надюша вручила «родственнице» цветы, сунула в карман медсестре червонец. На оперативной машине привезли виновников торжества в их новое жилище. Нас сопровождал врач-педиатр. Он придирчиво осмотрел комнату и остался доволен. Все чисто, сухо, солнечно. Бедная женщина не знала как отблагодарить нас. Через несколько лет, уже будучи в Москве, получили от нее трогательное письмо: малыш растет крепким и здоровым, уже пошел в садик. Она получила прописку и работает в строительной организации.

Глава 10. Дело «Изувер»

4 декабря 1980 года в правительственной даче на Иссык-Куле был убит Председатель Совета Министров Киргизской ССР Султан Ибраимов. Убийца ночью пробрался в его комнату, и спящему всадил из малокалиберного нарезного оружия две пули в каждый глаз. Перед этим он застрелил милиционера-охранника и водителя. В КГБ было заведено дело «Изувер». Председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов взял дело под личный контроль. На розыск были брошены лучшие силы Союза. Иссык-Кульскую область наводнили официальные представители Центра, оперативники, следователи и «наружка». Мой начальник Качикеев, как уроженец тех краев, уехал в командировку на шесть месяцев, и в райотделении я остался один.

Однажды позвонил начальник Таласского управления КГБ Усуп Мукамбаев:

– Такого-то числа в городе Джамбуле на проходящий поезд Фрунзе-Москва сели двое молодых людей. Одного звать Володя, другого Саша. Володя якобы служил в Германии, у Саши родинка на верхней губе. Возможно, они из твоего района, поскольку в разговоре между собой упоминали о каком-то водохранилище. Высадились из поезда в Набережных Челнах. Они проходят по делу «Изувер» в качестве свидетелей. Москва просит их найти. Докладывать мне каждые

два часа.

Я призадумался. Во-первых, может оказаться, что служил Володя не в Германии, а в стройбате в каком-нибудь Урюпинске. Во-вторых, ребята могли изменить свои имена (я сам, когда знакомлюсь с какой-нибудь не внушающей доверия персоной, обычно называюсь другим именем). В-третьих, они могут оказаться уроженцами другого города или региона, и приезжали в наши края в гости.

Поиск начал с военкомата. Военком объяснил, что у них существует общая разнарядка на призывников в команду 240, направляемых за границу. Кто из них едет в Германию, в Чехословакию, Венгрию или Монголию – неизвестно.

– И вообще, в каком году призывались твои ребята?

Этого я не знаю. Прошу проверить за последние десять лет. Военком заводит в архив, и мне становится плохо. На полках пылятся огромные тюки, перевязанные шпагатом. С помощью сотрудницы военкомата начинаем копаться в бумагах. К концу дня в моем блокноте установочные данные на сотню Владимиров и Александров с их домашними адресами. На следующий день роюсь в паспортном столе РОВД и в сельсоветах. Езжу по адресам, опрашиваю всех встречных и поперечных. Нацеливаю на поиск агентуру. Безрезультатно. Начальник УКГБ, которому регулярно докладываю о проделанной работе, начинает раздражаться. На третий день кропотливой работы наконец улыбнулась удача! Получаю сообщение, что на день рождения к «Ивановой» (фамилия вы-

мышленная) из Набережных Челнов приезжал сын, который после службы в Германии, по комсомольской путевке устроился работать на «Камазе». Погостив несколько дней, уехал обратно с соседом-одногодком, соблазнив его интересной работой и высокими заработками на заводе. Только их обоих зовут Сергееми.

Дальше все было просто. Взяв с собой пачку военкоматовских повесток, приехал к нему домой. Родители Сергея сидели за чаем. Пригласили за стол. Я довел легенду, мол военкомат поручил установить местонахождение нескольких ребят, не ставших на воинский учет по возвращении из армии, назвал и фамилию их сына. Родители дали его адрес и даже показали полученное от него письмо. В конверте оказалась цветная фотография двух друзей. У одного из них на верхней губе родинка!

Через пятнадцать минут из районного узла связи по телефону я надиктовал начальнику УКГБ полные установочные данные, адреса и особые приметы ребят, вплоть до цвета глаз и волос. Через два часа Мукамбаев позвонил мне:

– Сотрудники КГБ Набережных Челнов установили разыскиваемых, встретились и переговорили с ними. Москва объявляет тебе благодарность. Но смотри, не зазнавайся!

Кроме того продолжалась работа по розыску нарезного оружия, особенно малокалиберного, скурпулезно проверялись лица, отбывавшие ранее сроки заключения по Особо

опасным уголовным статьям, антисоветчики, шизофреники, бомжи, лица «кавказской национальности». Так, в моем районе проживало 64 человека из категории «Особо опасных»: в том числе два бывших эсэсовца, один разведчик-диверсант абвера; один сотрудник редакции фашистской газеты «Милли туркестан». Шизофреников числилось более 300 человек. Пришлось побывать в интернате для умалишенных. Жуткое зрелище! Я впервые осознал, что нас, человекообразных, делает людьми разум. Когда увидел несколько десятков искаженных гримасой лиц, пустые бессмысленные глаза, мне стало не по себе. Позже на войне довелось видеть много трупов. Так вот, и покойники и умалишенные выглядят одинаково неприятно.

На бомжах следует остановиться особо. В наших краях почти каждый чабан содержал одного-двух в качестве подпасков, кроме того летом корейцы-луководы использовали их дешевый труд на плантациях. В Джамбуле даже существовал неофициальный базар бомжей, где их нанимали. Как-то под вечер с начальником РОВД поехали с проверкой по кошарам. У одного чабана обнаружили здорового, разрисованного татуировками человека, у другого – юную, очень красивую девушку. До сих пор помню ее глаза, наполненные невыразимым чувством страха и какой-то безнадежной обреченностью. Какими судьбами ее занесло сюда, от кого и почему скрывается? Приехали к третьему чабану довольно поздно. В комнате на полу за вечерним дастарханом застали

большую интернациональную семью. Вперемешку с чумазами, узкоглазыми детишками сидят двое взрослых русских, мужчина и женщина, светловолосая девушка лет шестнадцати и белобрысый, семилетний мальчик. Документы взрослых в порядке. Однако они не супруги. Мужчина прописан в Кемерово, женщина откуда-то из Подмосковья. В паспортах стоят штампы ЗАГСа. Белокурые детишки к ним не имеют никакого отношения. Мальчонка, увидев милиционера, начинает судорожно всхлипывать, девчушка прижав его голову к груди, смотрит на нас волчонком. На вопрос начмила кто это такие, жена чабана приняла позу кобры:

– Мои дети!

Чабан рассказал, что это дети соседей-немцев. Отец их умер, мать сошлась с другим. Когда отчим начал домогаться девочки, пьяница-мать выгнала ее из дома. Поскольку никого родных и близких у них нет, подалась в горы к соседу. Вскоре к ней присоединился братишка. Так и живут все вместе одной семьей.

Из «лиц кавказской национальности» особо запомнился молодой чеченец Ахмет, проживавший в отдаленном глухом селе. Он отслужил в ракетных войсках вместе с начальником райотдела милиции, прежде работал оперуполномоченным уголовного розыска. Допрашивая подозреваемого, применил «детектор лжи». Прикрепив к руке задержанного урки обыкновенный медицинский тонометр, и навешав провода на разные части тела, завязал глаза и начал допрос. Каждый

сомнительный ответ сопровождал разрядом электрического тока. Бедный урка раскололся мгновенно. На суде все всплыло, и чеченец сам загремел в места не столь отдаленные. По возвращении из мест заключения, устроился работать начальником сейсмической станции, обслуживающий Семипалатинский ядерный полигон. В глухом горном кишлаке среди местных жителей он, пожалуй единственный, выглядел интеллигентно. Территория станции была прекрасно обустроена, имелся собственный дизель-генератор и коротковолновая радиостанция. В подвале – измерительная аппаратура, в глубоких шурфах, пробитых в скальном грунте – сейсмические датчики. В соседнем помещении профессиональная фотоаппаратура и набор дефицитных фотохимикатов.

Селяне поведали интересную историю. Как-то Ахмет шел мимо селпо. Его окликнули несколько местных парней:

– Эй, чечен, пойдем выпьем!

– Я без закуски не пью.

– Что выпендриваешься, мать-перемать?

Ахмет молча подошел, залпом опрокинул протянутый стакан. Затем вытащил из ножен охотничий нож, отмахнул матерщиннику половину уха, зажевал.

Этот абрек подрабатывал еще тем, что воровал в соседних селах и резал коров, мясо на молоковозе отправлял знакомому шашлычнику в Джамбул.

За ним приехала милиция. По дороге Ахмет попросился по нужде. Был сильный мороз, лежал глубокий снег. Мили-

ционеры на всякий случай, сняли с него обувь и выпустили на улицу в одной рубашке. Ахмет рванул в горы. Милиционеры пару раз пальнули в воздух, однако беглец не обратил на это никакого внимания. Так и убежал босиком.

Я заинтересовался этим джигитом давно, потому что в мои руки попал изготовленный им фальшивый военный билет. Я приехал к нему ночью в сопровождении нескольких автоматчиков, выделенных Феликсом Куловым, в ту пору заместителем Таласского УВД. Меня мало волновали криминальные выверты Ахмета, лишь попросил предоставить четкое алиби: где он находился 4-го декабря, когда был убит Председатель Совмина. Этот разбойник мне понравился.

Занимаясь розыском оружия, я получил сведения на полторы сотни нарезных стволов, среди которых числились пулемет ПК, несколько автоматов Калашникова, СКС. Я ознакомил с этими данными своего друга, начальника угрозыска Кировского РОВД. По его просьбе не стал передавать наверх сразу всю информацию, а посылал справки в Управление КГБ каждую неделю, дозируя по десять-пятнадцать стволов. УКГБ передавало сведения на реализацию в УВД. Оттуда присылали ориентировку в РОВД. За это время мой друг успевал подработать по своим каналам и изъять часть оружия. Приезжает из областного центра грозное милицеское начальство, а им пожалуйста – стволы на столе. Все довольны.

Копаясь в связях водителя-немца Султана Ибраимова,

убитого вместе с ним, я добрался аж до агента ЦРУ в Греции, действующего на канале въезда Советских граждан. Москва меня вовремя остановила, очертив круг поиска.

Султана Ибраимова убил Смагин. Это доказано. Однако мотивы убийства так и остались невыясненными. Труп Смагина был обнаружен повешенным на собственном шарфе в пригородной электричке, кажется в Куйбышеве. Мушкетировались слухи, что его ликвидировали сотрудники КГБ по указанию Юрия Владимировича Андропова. Если это правда, то дело принимает иной оборот. У меня на этот счет есть собственная оперативная версия. Интересно было бы когда-нибудь докопаться до сути.

Глава 11. Дело луководов

Бригадир луководов одного хозяйства в моем районе попался на том, что не оформил расход мешков на 8 тысяч рублей. Его тут же арестовали и посадили в СИЗО Кировского райотдела милиции. Ни для кого не было секретом, что луководы самые богатые люди. Например, каждый луковод, чтобы получить гектар земли, давал бригадире весной взятку в размере 1 тысячи рублей. Под лук в этом хозяйстве отводилось 260 гектаров пашни. Кроме того осенью бригадире полагалось отдать десятую часть урожая. При официальной урожайности 250 центнеров лука с одного гектара, трудолюбивые корейцы собирали по 500 центнеров. Цена лука в Сибири 3 рубля за килограмм. Можете сами подсчитать выручку одного колхозного бригадира. А таких хозяйств у нас десятков. Разумеется, львиная доля денег попадала в карманы председателей колхозов. Они в свою очередь делились в районными руководителями. Те платили дань выше. Нити потянулись очень высоко, в ЦК КП Киргизии. У меня к бригадире луководов тоже был определенный интерес. На моей территории проживало 13 подпольных миллионеров. В соседних областях Казахстана и Узбекистана их было гораздо больше. Изредка они «оттягивались», снимая на несколько суток приличный дом и выставя вооруженную охрану. Причем наши предпочитали гулять в соседних республиках,

а их люди у нас. Бывало, приглашали отдохнуть нужных людей. Играли в карты. Нужный человек, разумеется, выигрывал крупную сумму. Если он, подозревая, что это все-таки взятка, отказывался от денег, играли на «интерес»: например, был случай, когда человеку захотелось переспать с девственницей-блондинкой. На этот случай джамбульские мафиози специально держали на примете нецелованных девочек разных национальностей. За любовь им неплохо платили. Правда, попадались и принципиальные девочки, которых братва была вынуждена просто похищать на ночь, затем топить в Кировском водохранилище. За «моим» бригадиром уже числилось два трупa.

Мне помогали советами старые мудрые оперативники из КГБ Киргизии и соседнего Джамбульского УКГБ. Они и подсказали, чтобы взять дело в свое производство, нужно ориентироваться на поиск валюты и золота. С начальником уголовного розыска Кировского РОВД провели внутрикамерную разработку бригадира, не поставив в известность даже его Руководство. Через пару месяцев вышли на нелегальный канал поступления золота из Магадана. Тем временем, друзья бригадира договорились с областным прокурором за взятку в 50 тысяч рублей освободить своего «бугра». Я доложил об этом в УКГБ. Мукамбаев сообщил устно первому секретарю обкома. Секретарь не захотел сажать прокурора и попросил составить от имени УКГБ информацию в облпрокуратуру, типа: «по непроверенным данным, одному из со-

трудников прокуратуры в ближайшее время собираются дать взятку за прекращение уголовного дела в отношении...» и т. д. Прокурора чуть нехватила кондрашка, он с инфарктом оказался в больнице. Луководы, ничего не подозревая, пришли его проводить.

– За мной следит КГБ – успел прошептать бледный неудачник, хватаясь за сердце. Второй инфаркт.

Осерчавшая братва быстро вычислила, чьих это рук дело, и приняла решение «убрать этого молокососа».

Убрать – это как: убить что ли? Ту еще начальник райотделения КГБ, возвратившийся из длительной командировки, отобрал у меня пистолет. Начал буквально по минутам расписывать распорядок дня, запретил ездить в луководческий район, мог внезапно позвонить или нагрянуть в неурочный час на квартиру под пустячным предлогом. К такому повороту событий я подготовился заранее: перевел работу негласных помощников на особый режим, заимел неучтенный пистолет. Супруга спала с заряженной двухстволкой под кроватью (по ночам я обычно мотался по району).

Плохо, если меня прирежут. Еще хуже, если я пристрелю нападающего. Нужно было срочно переходить к активным формам защиты. И тогда мы с другом, начальником угро, разыграли комбинацию.

Поздно вечером я позвонил дежурному РОВД и попросил соединить с уголовным розыском. По оперативным данным, этот капитан работал на луководов, именно через него

бригадир, сидящий в СИЗО, поддерживал связь с внешним миром. Я не сомневался, что дежурный через коммутатор будет прослушивать наш разговор. Через полчаса заехал в милицию. Вскоре к нашей компании присоединился и капитан, «случайно» заглянувший в кабинет. Как раз в это время я жаловался на жизнь. Размахивал нетабельным оружием и грозился перестрелять всех мафиози. Начальник уголовного розыска, поддакивая, за моей спиной подмигивал капитану, какие, мол, эти кагебисты козлы. Не называя фамилий и адресов, я разоткровенничался, что хорошо знаю расположение комнат в доме главного мафиози:

— У него в стене, выходящей на улицу, за картиной японский сейф. Как вы думаете, что там хранится? Вряд ли золото и бриллианты. Скорее всего магнитофонные и фотографические пленки с компроматом. В принципе неплохо было бы уронить ночью на эту стену с проезжающего трейлера экскаватор. Шум, гам! Примчится милиция. Или устроить взрыв. На веранде у него стоит газовая плита с большим баллоном. Остается лишь, подперев дверь в комнату, зажечь конфорку и поставить на огонь баллон с газом. Через пять минут можно вызывать пожарных и милицию. Сейф будет обнаружен наверняка. Особенно, если я предупрежу милицию.

Дежурный сидел, развесив уши.

У этой истории печальный конец. Дело кончилось тем, что был задавлен машиной начальника ГАИ начальник РО-

ВД, не имевший никакого отношения к разработке бригадира луководов. Когда начмил проходил вдоль стены, начальник ГАИ резко сдал назад и припечатал беднягу к стене. Может быть и случайно. Помогавший мне начальник угрозыска лишился одной звезды на погонах и отправился участковым в глухую деревню. Заместитель областного прокурора – упертый, принципиальный парень, который вел дело бригадира, получил орден «Знак почета» и с повышением переведен в другую область, а я был срочно отправлен на учебу. Преступник получил 4 года, хотя тянул на «высшую меру» с конфискацией имущества. Поскольку он уже отсидел почти год в СИЗО, вскоре вышел на поселение.

Когда меня спрашивают, каким образом я устроил себе такую карьеру, попав из провинциального района в Москву, отвечаю:

– Хорошо работайте и от вас наверняка постараются избавиться.

ЧАСТЬ 6. ШКОЛА ДИВЕРСАНТОВ

*На вопрос: «Где сокровища хранишь?» – простер руку и указав на дружину, ответил: «В них!»
Александр Македонский*

Глава 1. Учеба в диверсионной школе

В середине февраля 1982 года я приехал в подмосковный город Балашиху на Курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС) КГБ СССР. Вновь медкомиссия и серия тестов на пригодность к службе, связанной с парашютными прыжками и подводным плаванием, С 1 марта приступили к занятиям. Много бегали по ночному лесу, ломая тонкую корку льда, и проваливаясь в ямы с водой по пояс. Изучали иностранное оружие и минно-взрывное дело. Боролись и дрались. Принимали на слух морзянку и работали на ключе (хотя имели быстродействующие радиостанции). Лазали по скалам и прыгали с парашютом. Нас натаскивали замечательные педагоги-практики, имевшие опыт боевой работы во многих странах мира.

Физическую подготовку преподавал Александр Иванович Долматов. Он превратил наши мускулы в железо, приучал не

бояться мордобоя. Учил метать в цель ножи и топоры, пользоваться подручными средствами в рукопашном бою с более сильным противником и драться одновременно с шестью партнерами. Этот вариант схватки так и прозвали: «Долматовская шестерка». Александр Иванович высоко ценил в своих воспитанниках задатки агрессивности и всячески их развивал. На занятиях он никого не делил на весовые категории: спарринг-партнером стокилограммового «бивня» мог оказаться «мухач» в два раза меньшей комплекции.

Как-то на занятия приковылял, опираясь на палку, «каскадер», только что вернувшийся из Афгана. Снял шапку перед строем, поклонился в пояс Александру Ивановичу:

– Мужики! Если бы не долматовские уроки, не стоял бы сейчас перед вами. Попали мы в горном ущелье в засаду. БТР горит, валяются трупы, стонут раненные. Мы, как учил Долматов, рассыпались, разбежались в разные стороны, спрятались за камни. Отбили атаку «духов», продержались до прихода подмоги.

Самой лестной похвалой для слушателей было получить от него прозвище «лось» или «зверь».

Огневой подготовкой заправлял Быстряков Федор Степанович, ветеран Великой Отечественной войны, великолепный рассказчик и балагур, любивший розыгрыши и подначки, про которого много лет назад сложилась присказка:

- Кто вас учит, мудаков?
- Дядя Федя Быстряков!

Он умел за одно занятие доходчиво объяснить принцип действия десятков систем оружия, которые знал в совершенстве. К метанию ножей относился скептически:

– Ребятишки, зачем спецназу нож? Если думаете, для того, чтобы резать часовых, заблуждаетесь. Нож спецназу нужен, чтобы порезать колбаску или сало! А для часовых у нас припасены бесшумные пистолеты.

На стендах в классе у него висело множество пистолетов иностранного производства с самодельными глушителями, изготовленными слушателями в качестве курсовых работ.

Про каждый ствол он мог рассказать интересный эпизод из своей практики. Например, извлечет из своего бездонного кожаного портфеля «Парабеллум»:

– «Парабеллум» в переводе на русский означает «готовься к войне». Пистолет, конечно, красивый. На фронте все наши штабные офицеры и тыловики западали на него. Я иногда уступал свой «парабеллум» какой-нибудь тыловой крысе за пару котелков спирта. Пойдет этот блудливый козел в медсанбат, похвастает перед Маруськой, навешает лапшу на уши, как ходил в тыл врага и взял в плен генерала, покажет пистолет. Все, любовь до гроба! У немцев происходило то же самое. Их тыловики ходили к Гретхен в свой немецкий медсанбат и хвастались трофейными ТТ. Не сомневаюсь, что вы, ортодоксы, тоже будете пользоваться этим приемом, когда начнете охмурять медсестричек Кабульского госпиталя. А через Афганистан пройдете все.

Помню соревнования между учебными группами. В ночной лес поодиночке забрасываются слушатели, которые в обусловленное время должны прибыть в пункт сбора. Собравшись, группа с помощью радиопеленгатора начинает поиск груза и находит тяжеленный, опломбированный ящик без ручек. Притаскивает его в расположение. Затем бегом в тир. Нужно собрать пять пистолетов разных систем из множества деталей, перемешанных в одном ящике. Из этих пистолетов каждый слушатель должен выпустить по одной пуле. На каждую группу выделяется одна мишень. Кто из бойцов попал, кто промахнулся – неизвестно. С последним выстрелом щелкает секундомер. Мишени вывешиваются в фойе. Подводится итог. Наутро победившей группе в торжественной обстановке начальник диверсионной школы лично вручает огромный торт.

Аналогичный метод обучения я потом применял в работе с Афганским спецназом.

Больше всего мне нравились занятия по минно-взрывному делу. Под руководством Бориса Андреевича Плешкунова и Петра Ивановича Нищева рвали рельсы, разносили в крошку железобетонные блоки. Лазили по ночам по фермам мостов через Москву-реку, устанавливая учебные заряды. Лепили бомбы из самодельной взрывчатки, конструировали мины-ловушки. Один хохмач-слушатель изготовил портфель-сюрприз с «черемухой» и подсунул Борису Андреевичу. Однако «мудрый Боря» не стал его разминировать. Так и

простоял портфель на полке три года, пока батарейки питания надежно не сели. Навыки, полученные у Бориса Андреевича, мне здорово пригодились в Афганистане.

Глава 2. Бомба в кабинете зампреда КГБ

Петр Иванович Нищев поведал случай из своей практики, как обезвреживал самодельное взрывное устройство. В 1978 году произошел взрыв в Московском метро, повлекший человеческие жертвы. В КГБ было заведено дело оперативной разработки и началась тотальная проверка всех лиц, хоть когда-либо имевших отношение к взрывным делам, в том числе преподавателей и слушателей КУОСа. На всех вокзалах установили негласное круглосуточное дежурство. И вот однажды взрывник с бомбой вновь приехал в Москву. На Курском вокзале он долго сидел в зале ожидания, изучая обстановку. Наконец потянулся к сумке, чтобы включить тумблер. В этот момент дремавший напротив молодой человек сунул правую руку за пазуху. Приняв его за чекиста, взрывник перепугался, выскользнул из зала и был таков, так и не включив электрическую цепь. На бесхозный багаж сделал стойку вокзальный воришка. Вынеся из зала, заглянул туда и обомлел, увидев массивный чугунный корпус, провода, лампочки и выключатели. Бросив сумку в тамбуре, воришка тоже сделал ноги. Утром уборщица, выметая мусор, обнаружила ее и вызвала милицию. Милиция позвонила в КГБ. Доблестные чекисты притащили бомбу на Лубянку прямо... в кабинет зампреда. Собралось большое начальство и стало решать что де-

лать дальше. А часики-то тикают! Догадались вызвать специалистов из балашихинской диверсионной школы и специализированной лаборатории ОТУ КГБ. Показывают им на сумку и предлагают обезвредить. Петра Ивановича затрясло от бешенства:

– Нельзя ее ни открывать, ни сдвигать с места. И вообще, какой мудака приволок бомбу сюда?

– Но-но, не кипятись. Может разрезать сумку сбоку?

– И резать нельзя!

– Давайте просветим переносной рентгеновской аппаратурой.

– И просвечивать не рекомендуется! Мало ли какой датчик там установлен.

– Но ведь бомба до сих пор не взорвалась, сколько ее ни кантовали?

– А если там установлен временной предохранитель, и бомба только что встала на боевой взвод? Да и медлить тоже нельзя!

Смех и грех. Короче говоря, выгнали всех из кабинета и смежных помещений. Вызвали пожарных. Натаскали мешков с песком, обложили сумку со всех сторон. Засучив рукава, перерезали провода, убрали батарейки питания. Предварительно просветив рентгеном, вскрыли корпус. Вытащили электродетонаторы. Обезвредив бомбу, с облегчением вытерли со лба проступивший пот. Слава богу, взрывное устройство оказалось без сюрпризов.

С той поры Руководство КГБ решило сформировать спе-

циальное подразделение взрывотехников.

На день Победы пригласили на КУОС убежденных седи-
нами ветеранов: Старинова И.Г., Судоплатова П.А., Ботяна
А.Н., Орлова А.А. Много интересного они рассказали. Одно
дело читать приукрашенные отчеты о проведенных операци-
ях, другое дело услышать из первых уст как было на самом
деле. И это была замечательная традиция КУОСа соблюдать
преемственность поколений.

Особенно поразил Павел Анатольевич Судоплатов. Че-
ловек, много лет возглавлявший Четвертое (разведыватель-
но-диверсионное) управление НКВД, отсидевший 15 лет в
советской тюрьме и перенесший тяжелейшие пытки, до кон-
ца остался верен идеалам Социализма. Последний раз я слу-
шал его речь уже будучи преподавателем КУОСа в мае 1991
года. Тяжело опираясь на трибуну, в конце своего короткого,
пожалуй, даже осторожного выступления, он не сумел сдер-
жать эмоций. Смахнув непрошенную слезу, с какой-то яр-
остью воскликнул:

– Товарищи, мы ликвидировали многих. Но ведь мы уни-
чтожали врагов! Посмотрите, что творится сейчас?

По слухам за его управлением числилось более двух тысяч
«жмуриков».

На территории КУОСа формировались отряды «Зенита»
и «Каскада», уходившие в Афганистан. Туда же возвраща-
лись с боевых заданий. В нашей учебной группе тоже было
несколько ребят, понюхавших пороху. По ночам пили с ними

водку и часто засиживались до утра, слушая рассказы о войне. Их откровения поначалу шокировали. Особая ценность таких «бдений» заключалась в том, что мы усваивали боевой опыт старших товарищей и психологически привыкали к неизбежной крови и потерям. Это была великолепная школа! Преподаватели не чурались составить нам компанию, и не делали секрета с того, что нам тоже придется повоевать. Да и мы сами догадывались, что неспроста учебу, рассчитанную на 7 месяцев, сократили до 4-х, уплотнив насыщенность и интенсивность занятий в полтора раза!

По окончании учебы нам всем дали полюбоваться свидетельствами, где значилось, что мы являемся командирами групп специального назначения. Потом документы опять забрали. Отныне они будут храниться в наших личных делах.

Объявили всем желающим продолжить службу в разведывательно-диверсионных подразделениях явиться в отдел кадров. Многие пошли, но не всех взяли. Так, например, мой сосед по койке, подводник Тихоокеанского флота, коренной москвич с прекрасным знанием китайского языка, почему-то остался за бортом и вернулся на свою подводную лодку сторожить пролив Лаперуза. Мы с друзьями, посоветовавшись, решили не торопить события, подождать, что будет дальше. Через пару дней в коридоре вывесили список отличников с требованием явиться на собеседование. По алфавиту я значился первым. Кадровик, закулив трубку, выпустил густое облако ароматного дыма и объяснил, что даль-

нейшая служба будет связана с органами внешней разведки, и что в течение двух лет предоставят квартиру в Москве. Я попросил разрешения посоветоваться с женой и позвонил домой. Надюша согласилась. Кадровик удовлетворенно кивнул:

– Возвращайтесь в свое территориальное подразделение и ждите вызова.

Глава 3. Служба в «Вымпеле»

Я пришел в «Вымпел» 20 октября 1982 года. Вначале выпускники КУОСа в подразделении составляли большинство. Средний возраст – около 30 лет. Воинские звания от старшего лейтенанта до майора. Это были в основном умудренные в житейских делах специалисты, имевшие не только контрразведывательное образование, но и гражданскую специальность. Многие получили боевое крещение в Афганистане в составе отрядов «Зенит» и «Каскад».

Кроме бывших контрразведчиков в нашей части служили и ребята из числа профессиональных разведчиков, «засвеченных» перед иностранными спецслужбами. Так, у нас был парень, много лет проработавший в Латинской Америке под дипломатическим прикрытием. Другой – переводчиком на Ближнем Востоке. Третий – бывший нелегал.

Были и кадровые военные, представители почти всех родов войск: десантники, танкисты, летчики, моряки, пограничники. Многие пришли с оперативной работы в Особых отделах.

Особо следует остановиться на политорганах. Поскольку в Союзе основной направляющей силой была КПСС, наверху, видимо, посчитали, что без их представителей обойтись нельзя. Правда, мы не понимали, чему может научить оперативников дубоватый армейский замполит по прозвищу

«Валька-синюшный»? Его вскоре были вынуждены убрать от нас. Вместе с тем в «Вымпеле» читали лекции по марксистско-ленинской теории специалисты, пользовавшиеся у нас глубоким уважением за принципиальность и честность. Одного из них даже уволили из органов за то, что был излишне откровенен в своих взглядах на нашу действительность. Вернувшись из всесоюзной научно-практической конференции по марксистско-ленинской теории, он с горечью констатировал:

— В выступлениях именитых теоретиков не содержится ни одной свежей мысли. Мы, молодые ученые, объединив усилия, пытались дать бой, но нам не дали слова. Если так будет продолжаться еще несколько лет, социализм обречен.

В подразделении обеспечения служили и солдаты срочной службы.

Помню принятие Присяги молодыми бойцами. Новоиспеченные солдаты, вытягивая тонкие шеи, старательно печатают шаг по плацу, а их родители изучают трибуну и гадают, в каких войсках служит сын? Командир части Эвальд Григорьевич Козлов, капитан второго ранга в черной морской форме с «Золотой звездой» на груди. Рядом красуются полковник-авиатор и подполковник-пограничник. Командуют парадом офицеры с петлицами связистов. А по территории части слоняются расхристанные парни в импортных джинсах.

Начальником штаба в «Вымпел» пришел подполков-

ник-пограничник Феликс Александрович Макиевский. Как любой кадровый военный, он начал с наведения порядка во вверенном хозяйстве. Появился приказ: всем подстричься, побриться и облачиться в единую военную форму! Первыми взроптали моряки. Ссылаясь на морские привелегии и многозначительно кивая в сторону командира части, они отстояли свои бороды и черные мундиры. Один участник Эфиопской кампании по кличке «Матрос» даже кобуру с пистолетом носил принципиально морскую: она болталась на ремешках ниже колена! Оперативники КГБ заикнулись было, что в контрразведке военную форму одевают всего два раза в год: на Первомайские и ноябрьские праздники. А сотрудники внешней разведки вовсе не имели мундиров, шинелей и сапог. Однако начштаба был непреклонен. Тогда «штирлицы» начали обсасывать идею как-нибудь заявиться на строевой смотр в американской, немецкой или французской форме, поскольку в Уставе не оговорено, что военнослужащий обязан носить именно Советскую форму!

Дальше – больше. Начали нас, сугубо штатских, задействовать дежурными по части. Представьте себе развод караулов, священный для военных ритуал. А меня смех разбieraет: стою, ладонь под козырек а на лице идиотская улыбка шесть на девять. В полночь – телефонный звонок: дежурный горотдела милиции сообщает, что наши офицеры опять устроили дебош в ресторане «Бычий глаз», в данный момент держат круговую оборону и сдаваться милиции не желают.

Придется вызывать подмогу из военной комендатуры.

– Стоп, братан! Никого вызывать не надо. Сейчас приедем, разберемся. С меня причитается.

Посылаю помощника на оперативной машине с задачей замять инцидент, дежурного милиции отблагодарить, ребят развести по домам, особо нетранспортабельных доставить в расположение. Под утро возвращается смертельно усталый помощник и заплетающимся языком сообщает, что все в порядке. С чувством исполненного долга заваливается на кушетку. В 8 утра прапорщик из КПП сообщает, что прибыл командир (в то время командиром части уже был Владимир Александрович Хмелев). Положено выбежать на улицу, зычным голосом прокричать: «Смир-р-на!», даже если никого вокруг нет, и докладывать. Военные так и делают. Выглядываю в окошко, на улице зябко. Зачем командира держать на морозе? Дожидаюсь, когда он входит в вестибюль, делаю пару шагов навстречу:

– Товарищ контр-адмирал, за время Вашего отсутствия происшествий не случилось.

Командир морщится:

– Не за время моего отсутствия, а за время Вашего дежурства.

Я возражаю, что дежурство мол еще не кончилось. Командир ехидничает:

– Логика Ваших рассуждений резонна, товарищ майор. Однако рекомендую почитать Устав!

Возвращаюсь в дежурку и открываю Устав внутренней службы. Черт возьми, действительно, командир прав.

Через полчаса он вызывает на ковер:

– Почему не доложили о ночном происшествии?

– Так мы сами во всем разобрались, зачем было Вас беспокоить по пустякам?

– Ваша инициатива и забота о командире похвальна. Но я обязан знать обо всех чрезвычайных происшествиях в части. Понятно?

– Понятно.

Начальник штаба, прослышав об этом диалоге, пришел в ужас. Вскоре нас, «пиджаков» перестали назначать дежурными по части.

ЧАСТЬ 7. ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА В АФГАНИСТАН. 1983 год

*Все равны мы перед смертью,
Всех разит ее копьё,
Лучше славная кончина,
Чем позорное житьё.
Шота Руставели*

Глава 1. Отряд «Омега»

В конце 1982 года окончательно укомплектовали отряд «Омега», состоящий из 9 групп. В течение нескольких месяцев мы проходили специализацию по разведработе в Афганистане. Потом нашу девятую группу отделили от остальных ребят. Два месяца интенсивно натаскивали на слаженность действий в составе группы захвата: как нам объясняли, для показа новому председателю КГБ Федорчуку. Под руководством Александра Ивановича Долматова ежедневно по четыре часа занимались рукопашным боем. В группе было два летчика, два моряка, два специалиста со знанием редкого языка (не буду говорить какого), и врач. Задали темы рефератов: «Как захватить самолет» и «Как захватить суд-

но». Мы были предупреждены не болтать лишнего вне группы, и никому не раскрывать специфику и программу подготовки. С нами денно и ночно находились два молчаливых контрразведчика, следившие за каждым шагом и особенно разговорами. Нашим командиром был назначен Серега по прозвищу «Кровавый»: он успел повоевать в отрядах «Зенит» и «Каскад». Его заместителем Коля Швачко, в декабре 1979 года штурмовавший дворец Амина в составе группы «Гром» отряда «Альфа». Ну, а мы, остальные бойцы, в званиях от старлея до майора, хоть и владели несколькими смежными специальностями, но боевого опыта еще не имели. Так что у многих из нас чесались руки ввязаться в какую-нибудь заварушку посерьезнее. Ходили слухи, что нашу группу натаскивают на проведение операции по освобождению большой группы советских солдат, попавших в плен к моджахедам. Причем особо не скрывали, что некоторые из нас возможно погибнут при выполнении задания, а останки наши не сумеют вернуть на Родину. Мы к этому психологически были готовы. Вообще-то на закулисных переговорах лидеры Афганской оппозиции согласились отпустить часть пленных, если Советская сторона всего лишь признает их военнопленными. Принять их предложение означало бы, что мы ведем официальную (объявленную или необъявленную, какая разница?) войну против Афганского народа. Поэтому Кремль уперся, дескать мы ни с кем не воюем, а лишь помогаем партнерам бороться с бандитизмом. Оппозиция гото-

вилаась провести заседание международного суда в одной из стран третьего мира и показать всему миру наших плененных военнослужащих. В какой стране должен был состояться суд, можно было догадаться по переводчикам, включенным в состав нашей группы.

Однако в феврале 1983 года летчиков, моряков и переводчиков из группы убрали, а нас в полном составе отправили в отпуск, объявив, что по возвращении из отпуска поедem в Афганистан. Я приехал в родной Талас. Месяц пролетел быстро. Настала пора расставания. Родные и близкие организовали проводы. Ни для кого не было секретом, что ухожу на войну.

Воинственная бабушка Жамал размахивала клюкой:

– Будь храбрецом, не орами честь отцов!

Мама, украдкой утирая слезы, замесила ночью тесто и испекла маленькую лепешечку. Утром она дала мне откусить от нее, а остальное повесила на шнурке в укромном месте:

– Доешь когда вернешься, сынок!

Во все времена киргизские женщины свято соблюдали эту традицию. До сих пор на юге Киргизии многие вдовы Великой Отечественной войны хранят лепешечки, надкушенные их мужьями. Хранят, все еще надеясь на чудо.

Отец, человек сугубо мирный, не нюхавший порошу в прошлую войну из-за «брони», как-то робко попросил:

– Постарайся не проливать крови, ни своей, ни чужой...

Молодежь смотрела разинув рты, с завистью и восхище-

нием.

«Контрабандисты»

В конце марта в Афганистан отправилась небольшая группа офицеров принимать дела и хозяйство у нашего предшественника «Каскада». Через две недели наступил и наш черед. Загрузили ИЛ-76 под завязку боеприпасами, дровами, столами и стульями, прихватили УАЗик. В некоторых ящиках вместо патронов была водка. Наша непьющая группа везла 100 бутылок. Прилетели в Ташкент. На борт поднялся таможенник. Подергал за сетку, обтягивающую ящики:

– Мужики, скажите честно, много водки везете?

– По две бутылки!

Таможенник хмыкнул и ушел. Пограничник подписал необходимые документы ничего не проверяя. Мы вышли покурить с экипажем. Кто-то из ребят задал летчикам вопрос:

– Ходят байки о том, что «Каскадеры» умудрились нелегально провезти в Афганистан девчат?

Пилоты дружно расхохотались. Командир корабля начал свой рассказ:

– На самом деле все было несколько иначе. Возвращались мы в прошлом году из Кабула с «Каскадом». В Ташкенте ребята разбрелись по городу. Собрать пришлось их долго. Подхожу к самолету, а в дверях качается невменяемый в дугу парень, не пускает на борт. Говорю ему:

– Я командир корабля, как без меня полетите дальше?

– А мне все «парванист»! – отвечает.

Пришлось вытащить пистолет и потыкать в лоб. Он меня сразу зауважал:

– Однако свой мужик! Пойдем выпьем?

Тут бортмеханик шепчет, что они провели на борт двух девчат. Осмотрел самолет – никого нет. Догадался, что их спрятали за створками грузового люка. Подошел туда и громко говорю:

– Сейчас поднимемся на высоту 10 километров, там мороз минус сорок и кислорода мало. За четыре часа полета превратятся ваши дамы в сосульки.

Девчата сразу в рев. Открыли створки, выпустили. Не стали сдавать в милицию, просто выгнали с территории аэропорта.

Перелет через границу

Наш борт заправили горючим, полетели дальше. Над государственной границей СССР проревела сирена. Плеснули по кружкам. К нам спустился командир корабля. Выпили. Прильнули к иллюминаторам. Под нами широкая Аму-Дарья, разделяющая два мира. На нашем берегу ухоженные зеленые просторы сельхозугодий, асфальтированные дороги и богатые села с белоснежными домами, сверкающими оцинкованными крышами. На другом берегу серые убогие доми-

ки, малюсенькие квадратики полей. Контраст разительный!

Над Кабулом пристроился эскорт боевых вертолетов. Пара МИ-24, прикрывая от душманских ракет, шла немного ниже-сбоку заходящего на посадку ИЛ-76, щедро выстреливая в разные стороны звездочки тепловых ловушек.

В Кабульском аэропорту грохотали турбины, махали лопастями вертолеты. Четверка пятнистых МИГ-21 с красными звездами на киях и с бомбами на подвесках в плотном строю одновременно оторвалась со взлетно-посадочной полосы. Лидировала «спарка». Мы догадались, что в переднем кресле афганец-наводчик.

На стоянке толпились загорелые, продубленные «каскадеры», упакованные в «фирму» и кожу, с огромными колониальными чемоданами. Они возвращаются домой, мы их заменяем. Нашу группу встречал Серега-"Кровавый". Вроде недавно расстались, но в его повадках уже чувствовалось что-то особенное, отличавшее от нас. Даже по тому, как он носит оружие, было видно, что это матерый вояка. Возгласы, объятия, похлопывания по плечам.

Минут через пятнадцать вернулись «Мигари», чертом прошли над нами, крутнули «бочку». Понятно: отбомбились удачно. В отличие от них «спарка» не хулиганила и села нежно.

«Каскадеры» погрузились на борт Ил-76. «Омеге» подали автобусы с задернутыми шторами. Однако Серега посадил нашу группу в хлебовозку. На вопрошающие взоры лишь

усмехнулся:

– Береженного бог бережет.

Начало работы

Наша группа «захвата» разместилась на вилле и в подсобном помещении представительства КГБ в Кабуле, а остальные восемь групп были разбросаны по провинциям.

Пару месяцев нас почти не загружали работой. Мы занимались разной мелочевкой, например, наводили порядок в приданной группе обеспечения, доставшейся нам в наследство от «Каскада». Представьте такую картину: у ворот виллы часовой в затрепаном хэ-бэ, без головного убора и ремня, в рваных спортивных тапочках на босу ногу, но зато при автомате на плече, жуя жвачку, лениво валяет за шкирку в густой пыли местного мальчонку, приговаривая «буру, бача», что означает «пошел вон, мальчишка». Остальные пацанята весело скачут вокруг, выкрикивая русские ругательства. Интернационализм в действии!

Используя «жидкую валюту» и личные связи среди офицеров 40-й армии, нам удалось за короткий срок помыть, одеть и накормить наше расхристанное воинство. Они стали похожи на солдат, а не на бандитов с большой дороги.

Вечерами бегали в Советское посольство смотреть фильмы и кадрить тамошних дамочек. Они нами восхищались, жалели, кормили домашними пирогами и согревали как мог-

ли. Ревнивые посольские мужики не раз использовали «дипломатические приемы» воздействия на наше начальство, пытаясь закрыть нам калитку, но открытого обострения отношений избегали.

Постепенно начали втягиваться в работу. У меня было несколько обязанностей: советника начштаба и особого отдела оперативного батальона 5-го Управления ХАДа, завскладом вооружений отряда «Омега», специалиста по обезвреживанию взрывоопасных предметов.

Работа советника заключалась в том, чтобы научить афганских офицеров организации штабной работы и агентурно-разведывательной деятельности. Забавное в этом было то, что я не знал их языка, а они – русского. Общались мы через переводчиков – солдат срочной службы, призванных из Таджикистана. Но сперва этим солдатам пришлось прочитать краткий курс оперативной подготовки: кто такой агент, резидент, связник, тайник и т. д. – в нарушение всех существующих инструкций и правил конспирации.

Как у завскладом вооружений, у меня тоже было немало головоломок. Откуда-то образовался излишек автоматных и пулеметных рожков, штык-ножей и ночных прицелов. А с автоматическими 30-мм гранатометами АГС-17 был и вовсе анекдот: их было четыре штуки, к ним – пять оптических прицелов, но все девять единиц по номерам не соответствовали числившимся в описи. Лихие были все-таки наши предшественники ребята-"каскадеры", если умудрились все так

запутать!

Ну, а работа специалиста по обезвреживанию взрывоопасных предметов и вовсе требует отдельного разговора. Мне довелось дважды выгребать из подвалов 5-ого управления тонны снарядов, мин, ракет и патронов – расплюснутых, раздавленных гусеницами танков, неразорвавшиеся авиабомбы, а также кучу всякого хлама, назначения которого даже я не знал. Это, пожалуй, было самым неприятным. Как-то одна такая штука щелкнула у меня в руках и начала нагреваться: а мы в этот момент везли в УАЗике несколько сот килограммов взрывоопасного груза, плюс у каждого на руках по два изувеченных снаряда, требующих деликатного обращения. К тому же оказались мы на людном перекрестке.

Я представил, как взрываемся, а вся наш смертоносный груз разлетается на сотни метров вокруг и тоже взрывается... Но, к счастью, оказалось, что это изделие – всего лишь химический источник электроэнергии к душманскому ПЗРК. «Черт, – подумал я после, – не пропускал бы занятия на курсах ПВО, не было бы такого ляпсуса».

А однажды мы разжились ящиком хозяйственного мыла, по незнанию занесенного афганцами на склад тротила. Я сделал страшные глаза и объявил, что это очень опасная взрывчатка, требующая немедленной эвакуации и уничтожения. Мы вывезли его и по-братски разделили среди афганских саперов. Естественно, на другой день об этом знало все 5-ое управление. Наш юмор оценили.

Праздник Саурской революции

В апреле партнеры пригласили нас на прием в честь очередной годовщины Саурской революции. По этому случаю в 5-м Управлении ХАДа натянули огромную армейскую палатку. Рядом под открытым небом расставили стулья, возвели трибуну. Несколько сот афганских оперативников, советников и каких-то дехкан в национальной одежде занимают места. В президиуме – руководство. Выступающие произносят речи, однако наше внимание больше занимает обслуга, которая заносит в палатку разнообразные закуски и запотевшие бутылки. На трибуне появляется начальник Управления доктор Баха и наш генерал с переводчиком. Баха отмечает огромную заслугу своих негласных помощников в деле борьбы с бандитизмом. Затем начинает по одному приглашать агентов, жмет им руки, что-то говорит. Наш генерал вручает им всем памятные часы от имени Советского правительства, тоже жмет руки.

Через год, когда я рассказывал об этом эпизоде сотрудникам территориального управления КГБ в своем родном городе Таласе, наши оперативники так и не поверили, что можно запросто собрать вместе всю агентуру Управления.

Наконец, мы в палатке. Афганцы любят длинные красивые речи и тосты. А нам бы побыстрее принять «на грудь» норму. Поэтому инициативу в свои руки берет один наш пол-

ковник. Первый тост:

– Да здравствует Саурская революция!

Через десять секунд:

– За здоровье товарищей Наджибуллы и Юрия Владимировича Андропова!

Едва успели присесть и зажевать – третий тост. Он традиционный:

– За погибших!

Молча, не чокаясь, опрокидываем стаканы.

Дальше уже полковник начинает хохмить:

– За здоровье доктора Бахи!

Афганцы как ужаленные вскакивают с места, преданными глазами смотрят в сторону своего начальника. Тот краснеет от удовольствия, зыркает на своего замполита. Следующий тост успевает перехватить афганский товарищ:

– За здоровье советского генерала!

Теперь уже мы, советники соревнуемся в скорости вскакивания со стульев. Но наш тамада не желает уступать бразды правления партнерам. Зычным голосом, нараспев он начинает:

– Нашему боевому генералу трехкратное, гип-гип!

...полсотни луженых глоток:

– Ура!

– Гип-гип!

– Ура!

– Гип-гип!

– Ура! Ура! Ура! – подключаются афганцы. Мы глохнем. Стены палатки раздуваются от децибелл. Хорошо, что у партнеров заранее отобрали пистолеты, а то все начали бы палить в воздух!

Очередная порция алкоголя с тихим плеском исчезает в глотках.

Нашего тамаду с тех пор за глаза прозвали полковник «Трунге», что означает «троекратное ура нашему генералу».

Афганец, сидевший рядом тихонько толкает меня в бок:

– Товарищ Бек, а что такое «гип-гип»?

– То же самое, что «Зиндабад», то есть «Да здравствует»! – запросто перевожу ему.

Дальше уже начинается обычная пьянка. Партнеры по этой части слабее нас примерно в два раза. Да и пить ни хрена не умеют: стараются не закусывать, а больше налегают на дармовую водку. Здесь спиртное стоит дорого и далеко не всем по карману.

Вскоре кто-то поет, кто-то блюет, кто-то лезет целоваться взасос. Наш тамада дает знак: дружно встаем и твердой походкой покидаем гостеприимных товарищей. Прислуга тихоньку допивает рюмки и доедает закуску.

Глава 2. Первые потери

Нашей группе была поставлена задача подготовить из числа афганцев боеспособное подразделение, которое могло бы действовать самостоятельно, не привлекая Советскую армию.

Через три месяца удалось сколотить, обучить и вооружить роту численностью в 50 человек под командованием прекрасного офицера, капитана Башира.

Афганцы пытались контролировать каждый шаг нашей группы, не таясь фотографировали, а иногда даже ставили за нами наружное наблюдение. Желтая «Тойота» с наружкой по ночам постоянно дежурила у Представительства КГБ. Об этой «Тойоте» нас предупреждали еще «каскадеры». Как-то, возвращаясь ночью с начальником отдела ХАДа Васэ и заметив машину, я схватился за автомат:

– Душманы! Сейчас я их перестреляю.

Васэ взвопил:

– Не стреляй! Это наши, ХАДовцы. Они охраняют вас!

Проверка сработала. Это было неприятно: ведь мы работали искренне, для них же. Мы с пониманием относились к подозрительности и недоверчивости партнеров, но даже предполагать не могли, какими глубокими и серьезными были их опасения и на какие действия они решатся пойти, стараясь выйти из-под назойливой советнической опеки «стар-

шего брата».

Рота Башира погибла в первой же операции. Она была брошена на выручку одного агента ХАДа, дослужившегося у душманов до командующего фронтом, и зажатого в ущелье соперничающими группировками моджахедов. Агента ребята выручили, но сами попали в окружение. После трехдневной перестрелки и многократных мольб о помощи прилетели, наконец, 12 вертолетов афганских ВВС и отбомбились... по роте. Оставшиеся в живых попали в плен. Башира зверски замучили. Спаслись только двое, убежавшие босиком по снегу. Они-то и поведали нам о случившемся.

Для нас это было кошмарной трагедией. Мы не понимали: почему афганцы не отправили никого на выручку? Строили самые невероятные версии случившегося. В конце концов, «вертушки» могли перепутать цель. Но нам и в голову не приходило, что они могли атаковать роту по наводке сотрудника ХАДа, сделавшего это сознательно, по распоряжению свыше. И почему наши начальники как воды в рот набрали и запретили нам вмешиваться в ход операции?

Здесь, я думаю, самое время пояснить, что у наших начальников существовали две совершенно разные точки зрения на события в Афганистане. Одни считали, что апрельская революция была затеяна без нашего ведома, афганцы втянули нас в свои внутренние разборки и все свои неудачи будут стараться сваливать на нас. Поэтому с партнерами следует вести себя крайне осторожно, особенно в части советов,

как поступать в той или иной ситуации. Идеальный вариант – вообще ничего не советовать!

Но в таком случае – какого шайтана мы тут делаем?

Другие генералы КГБ считали иначе:

– Ребята, это наша война, нам ее расхлебывать до конца. Поэтому действуйте по обстановке, инициативно и решительно. Помните, что каждый день здесь гибнут наши солдаты. Каждая ваша удачная операция спасает их жизни.

Мы были сторонниками второго подхода, но не могли игнорировать запреты командира «Омеги», придерживавшегося первой линии. Мы не могли понять его, боевого полковника, выполнявшего специальные задания более чем в двадцати странах мира, храброго офицера...

О причине странной «робости» командира мы догадались лишь по возвращении из командировки. Он не смел рисковать жизнями членов нашей группы захвата в заурядных операциях, потому что мы предназначались для более серьезного дела. Слава Аллаху, это «дело» не состоялось!

Глава 3. Сколько душманов было в Афганистане в 1983-м году?

По данным 40-й Армии численность их составляла 45–50 тысяч человек. По линии КГБ проходила другая цифра: 300–350 тысяч. Почему такая большая разница в сведениях? Армию можно понять: за три года войны она израсходовала столько снарядов и бомб, что пожалуй, все население Афганистана должно было быть поголовно уничтожено три раза. Доложишь сто тысяч – спросят, чем вы там занимаетесь, раз в стране до сих пор гуляет столько бандитов. Напишешь десять тысяч – еще хуже: скажут, почему так долго с ними возитесь.

Как-то заказали мы артиллерийский удар по месту дислокации одной крупной бандгруппы. Согласование вопросов затянулось на несколько часов. Наконец, батарея «Град» выпустила свои ракеты. Тут же офицер-артиллерист штаба 40-й Армии начал дотошно выпрашивать, сколько человек было в банде, имелись ли оборудованные в инженерном отношении позиции, и т. д. В конце беседы подвел итог: уничтожено 300 душманов. Мы опешили, откуда это известно? Офицер снисходительно улыбнулся:

– На этот счет существуют специальные формулы!

На другой день агент ХАДа сообщил, что удар был нанесен по пустому месту, потому что пока мы разбирались меж-

ду собой, банда ушла.

КГБ пользовался сведениями, полученными через агентуру ХАДа. Однако тут тоже имелись свои тонкости. Каждый командир душманского отряда завышал в отчетах численность своего воинства минимум в два раза, потому что из Пакистана будет поступать больше денег, оружия и боеприпасов. В штабах оппозиции эти сведения несколько подправлялись в сторону увеличения, потому что лидерам оппозиции тоже хочется кушать. И мировой общественности полезно продемонстрировать, как много правоверных поднялись против «шурави». Их советники из ЦРУ и прочих разведок также были заинтересованы в больших данных: в конце концов о результатах их деятельности будут судить по конкретным цифрам. Нашим партнерам-афганцам это тоже выгодно, чем больше душманов, тем лучше: Советский Союз будет помогать больше. Нашим высокопоставленным чиновникам из силовых структур тоже выгодно: не даром едят свой хлеб. В страну направляется больше советников. Постепенно война превращается в своеобразный реактор, функционирующий в режиме самоподдерживания. Получается, кругом сплошная ложь? Не выгодно только «мирняку», на головы которых обрушивается все больше бомб и снарядов, и нашим бедным солдатам, гибнущим по пулям, страдающим от малярии и желтухи, травящихся наркотой.

Руководство КГБ, прекрасно владевшее ситуацией в Афганистане, искало выход из сложившегося тупика. Оператив-

но-боевые отряды «Каскадеров», с 1980 по 1983 годы находившиеся в Афганистане, в целом оправдали возлагавшиеся на них надежды. Дальше логично следовало «афганизировать» войну: переложить основную тяжесть ведения войны на партнеров. Однако Бабрак Кармаль не хотел воевать со своим народом, и в узком кругу говорил:

– Войну затеяли Советы, пусть они и воюют.

Об этом мы знали от агентуры из его окружения. Поэтому у Руководства СССР возникла идея заменить Бабрака Кармаля на более приемлемую фигуру. Возможно именно для этих целей и предназначалась наша девятая группа захвата, так сказать, на крайний случай.

Глава 4. Первая боевая операция

Мы ежедневно ездили из Кабула в Пагман в расположение оперативного батальона ХАДа на УАЗ-452 «таблетке». Потом в наших краях объявились душманы, и пришлось пересест на БТР. К середине лета в кишлаках вокруг батальона по оперативным данным уже насчитывалось 9 бандгрупп. Мы знали о них многое: фамилии командиров, численность групп, вооружение. Беспокоило наличие у них гранатометов. Поскольку по дороге в батальон и обратно приходилось проезжать через несколько селений, взяли второй БТР.

Как-то ближе к обеду, закончив занятия, на веранде штаба батальона пили чай. Перед нами внизу густой яблоневоый сад, за ним пересохшая река, дорога на Гардез, два кишлака и склон горы. Вдруг прибегает из кишлака мальчонка к своему отцу, служившему в нашем батальоне, и сообщает, что человек десять вооруженных душманов пришли в село и грабят «мирняк». Мы переглянулись. У Сереги «Кровавого» загорелись глаза: в нашем распоряжении два бронетранспортера и человек 50 бойцов. Почему бы не попробовать? Тут же наспех вместе с комбатом Дин Мамадом набрасываем план действий: я на первом БТРе с десятком солдат на большой скорости проскакиваю кишлак и занимаю оборону на его западной окраине. Ваня Кулешов на втором БТРе с десятком бойцов перекрывает дорогу на Кабул с другой стороны. Дин

Мамад с тридцатью солдатами разворачивается в цепь, проходят сад и начинают зачистку села. Серега с крыши штаба осуществляет общее руководство, поддерживая связь с нами и с Кабулом. Все вроде понятно, вперед! Два наши броника, вздымая пыль, ринулись по дороге. Чтобы добраться до кишлака, до которой по прямой было всего метров пятьсот, нужно было сделать приличный крюк примерно 3—4 километра.

Я на резвой «Степаниде», доставшейся в наследство от «Каскада», далеко оторвался от второй машины. Влетая на полной скорости в кишлак, увидел стадо овец, движущееся навстречу. Что-то чабанов пожалуй, слишком многовато. Ну ничего, их сейчас перехватит Ваня. Я проскакиваю село, ставлю БТР поперек дороги, разворачиваю пулеметы в сторону домов и вылезаю на броню. Солдаты спешиваются и занимают позиции за дувалами. Вдруг, что за черт, вижу на том конце села Ванькин БТР, медленно ползущий вверх по склону. Ему нужно было перекрыть дорогу, а не лезть в гору! Натягиваю шлемофон, начинаю вызывать. В ответ тишина. Между тем БТР останавливается, Ваня слезает на землю. За ним водитель и пулеметчик. Ходят, собирают камушки! Я буквально сатанею от бешенства, даже самому противно. Пальнуть в Ваньку из КПВТ, что ли? Чтобы он, сукин кот, наконец забрался в БТР и включил радиостанцию. Но стрелять к сожалению, нельзя: спугнем «духов». Остается только посылать в эфир стоны, проклятия и матюки.

Зашипела рация: дежурный «Омеги», из Представительства КГБ, взволнованным голосом запрашивает, что у нас стряслось? Ору в ответ:

- Проводим операцию!
- Какую еще операцию?
- Заткнись, не занимай эфир!!!

Наконец Ваня залазит в броник. Слышу его спокойный голос:

- Ты чего ругаешься?
- Какого хрена залез в гору? Почему не перекрыл дорогу?
- Там я оставил афганцев. А отсюда мне удобно контролировать ситуацию в кишлаке.

– Кто тебя об этом просил? Уходи отсюда немедленно! Если начнется бой в селе, нам придется туго. Наоборот нужно, чтобы «духи» побежали в гору. Я их отсюда срежу из КПВТ. И не выключай рацию, б...дь!

Ванин БТР послушно разворачивается и сползает вниз, исчезает с поля зрения. Со стороны сада появляется жидкая цепочка солдат, за ними на дорогу вылезают Дин Мамад, начальник Особого отдела батальона и Серега «Кровавый». Уходят в село.

Вскоре справа от моего БТР на дороге образовалась длинная колонна остановленных «бурубахаек». Их кишлака выехал было в нашу сторону велосипедист, но мы его завернули обратно.

Вскоре Серега дает команду возвращаться в штаб. Банду

не поймали, видимо «духи», привязав свои стволы под овечек, успели уйти в Кабул. Ваня виновато хлопает глазами. Серега, почему-то шибко веселый, оттаскивает меня от него и хохочет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.